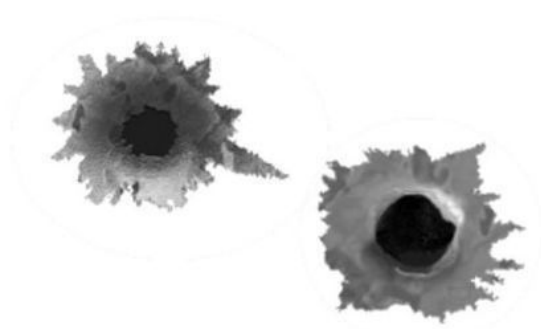

Владислав Блонье

На волне

Владислав Блонье

На волне

«Издательские решения»

Блонье В.

На волне / В. Блонье — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903191-4

Она юна, прекрасна и свободна. Она жаждет богатства и славы, любви и счастья, и не боится рисковать. Она не всегда уверена, что правит в нужном направлении, но бесстрашно летит НА ВОЛНЕ по океану головокружительных приключений, смертельной опасности, интриг, предательства и любви. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-903191-4

© Блонье В.

© Издательские решения

Содержание

Последняя любовь Ани Кляксиной	6
Олаф	18
Сводит с ума улица Роз...	24
Содомиты, графоманы, альдегиды и кетоны	32
Вечер перестал быть томным	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

На волне

Владислав Блонье

© Владислав Блонье, 2019

ISBN 978-5-4490-3191-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторское предупреждение

Все действующие лица и ситуации вымышлены. Любые совпадения случайны.

Последняя любовь Ани Кляксиной

– Ребята, это ваша новая одноклассница, Елизавета Нистратова, – объявила классная. – Она перевелась из гимназии «Эврика»...

– Чо, нормик тёлочка, – прогудел ломкий басок с задней парты.

– Да ну, сиськи недоразвитые, – донёсся внятный ответ через полкласса. – Доска – два соска.

По классу прокатилось хихиканье. Физичка, которая пять минут назад с горем пополам навела в этом зверинце подобие порядка, возвела очи горе. Виновница торжества стояла у доски с плотно сжатыми губами и ничего не выражающим лицом.

– Петров! Бахметов! Вам слова не давали! – Классная повысила голос. Получилось очень похоже на мультипликационную Сову в эпизоде с «безвозбезддо, то есть дадом», и Лиза хихикнула. – Ребята, вам всем осталось учиться всего полгода, и я надеюсь, у Лизы останутся о нашей школе самые приятные воспоминание. – Человек пять «ребят» мужского пола заржали уже в голос, и без ложной стыдливости принялись обсуждать между собой – но так, что слышали все остальные – о том, какие приятные воспоминания останутся у новенькой. – Да замолчите же! – прикрикнула классная и ударила ладонью о ближайшую парту. Толстое обручальное кольцо на пальце при столкновении с поверхностью произвело звук, похожий на пистолетный выстрел. Он неожиданно возымел действие – «ребята» озадаченно заткнулись.

– Спасибо за тёплый приём, – сказала Лиза в наступившей тишине. – Мы классно потушим. Йюхууу! – она сжала ладони в замок и встряхнула над головой. Она улыбалась, но глаза оставались холодными.

– Ооооуа! – восторженно взревели «ребята».

– У вас совесть есть? Прекратите балаган, в конце концов! Нистратова, ты как-то подозрительно быстро вписалась в коллектив, не в лучшем смысле, – заметила классная. – Так, всё. Больше не отвлекаемся. Нистратова... Лиза, займи место в классе. До свидания, Ирина Валерьевна, до свидания, ребята.

Лиза прошла на свободное место – таковое нашлось в среднем ряду на предпоследней парте. К счастью, ни рядом, ни позади никого не было, и можно было немного перевести дух. Первым уроком была физика, которая ей не очень-то давалась, но вслушиваться в объяснения учительницы не было никакого желания, а та решила не тормозить новенькую в стрессовый первый день. Слава гуманистам, чё.

Собственно, что случилось? К этому всё шло. С полгода назад козлина-папочка отчалил к своей новой семье, которая уже заждалась его. Ну и хрен с ним, овощ в помощь. Когда в бракоразводном процессе была поставлена точка, мать восприняла это с потрясающим спокойствием. На самом деле, она уже миновала фазу слёз, криков, битья посуды и симуляции попыток суицида. Эта фаза длилась полтора года, а следующие полгода ушли на официальное оформление распада ячейки общества.

Случись это десятью-двенадцатью годами раньше, Лиза начала бы заикаться и писаться в постель. Пять-семь лет назад она решила бы, что, раз ЭТО произошло именно с ней, то вселенная устроена несправедливо, принялась бы писать депрессные стихи и с очень большой вероятностью тоже стала бы заикаться и писаться в постель. Но родители начали регулярно собачиться в ту пору, когда она стала уже достаточно взрослой девицей, чтобы знать: *большие* тоже совершают ошибки, и её родители – увы и ах, не боги, разумные, всемогущие и всеблагие.

Если что и напрягало её в бракоразводной эпопее, так это последствия, а именно – размен квартиры и переезд из не очень богатого, но приличного района на непрестижную окраину. Результатом чего стала, в свою очередь, необходимость ездить через весь город в «родную» гимназию. Сперва Лиза решила, что она не будет в последний год менять место учёбы, и мать

её в этом поддержала. Но, помотавшись на трёх видах транспорта, когда каждый день только на дорогу туда и обратно уходило пять часов, Лиза психанула и твёрдо заявила, что переходит в местную школу. Контингент и уровень преподавания там, правда, не гимназический, но зато не придётся тратить время на дорогу – школу видно с балкона. К тому же последние полгода в одиннадцатом классе – это не учёба, а времяпрепровождение перед ЕГЭ, а уж ЕГЭ она со своим гимназическим задёлом сдаст отлично.

То, что контингент не гимназический, Лиза убедилась с первых минут пребывания в этом милом зверинце. М-да, здесь надо будет сразу показать зубы, как только её захотят испытать на прочность. Быдло спинным мозгом чувствует чужую слабость, а в слабых видит добычу.

Надо сказать, её «родная» гимназия с весёлым названием «Эврика» меньше всего напоминала страну эльфов и розовых пони. К выпускному классу в параллели осталось не больше десятка девственниц, считая саму Лизу. Недоброжелатели шептались, что причина в стервозном характере и завышенных требованиях, сами же чистые девы, посмеиваясь, говорили, что неуверенные в себе мальчики боятся умных и красивых девушек, а поэтому страшненькие и заурядные быстрее расстанутся с невинностью, хотя по логике должно быть наоборот. Нецелованных юношей, судя по всему, было побольше, хотя и говорят, что никто не умрёт девственником – жизнь поймёт всех... Между тем, господа гимназисты рвались во взрослую жизнь, и особо торопливые ломались в неё с чёрного хода (*гусары, ма-алчать!*). Один парень, сын депутата, прямо с уроков уехал на пятёрку за торговлю наркотиками. Не помогло ни малолетство, ни заступничество папеньки. Ещё двое входили в нацистскую банду, и, хотя они на тот момент ещё не сели, о них ходили очень неприятные слухи, большинство которых позднее подтвердилось (на каждом из «мальчиков» было по две-три «тушки, исполненных в одно лицо»). Но всё равно, на гимназическом обществе лежал отпечаток элитарности, и окунаться после этого в массу простых людей было не в кайф.

Она вполуха слушала учительницу и оглядывала будущих (да нет, уже вполне настоящих) сотоварищей. Мужская половина, согласно беглому визуальному анализу, представляла собой градиент от мамкиных бластных до чуханов. Посередине были приклатнённые чуханы. Девочки же делились на три категории: зачуханные (две) шалавистые (шесть) и чопорно-напуганные (три). Да, ещё: здесь не носили форму, но очень «неформальный» прикид тоже не приветствовался. А Лиза своим нарядом напоминала Сейлормун – в клетчатой юбке до колен, в белой блузке, и в брутально-изящных гриндерах. Плюс ностальгический клочок – полосатый гимназический галстук. Естественно, что на неё все пялились.

Ладно. За полгода ничего страшного не случится, а там – фюйть, бай-бай, адьос, мучачос, здравствуй, универ, взрослая жизнь, свобода!

На первой же перемене в Лизе подвалил чернявый пацанчик в белом костюме «abidas» и поделился желанием познакомиться. Это был тот самый, который определил её как «нормик тёлочку». Лиза вежливо посоветовала ему «отвалить».

– Чё такая дерзкая, э? – набычился парень.

– Да ты ещё дерзких не видел, – ответила девушка, стараясь говорить без выражения. – Уйди, мальчик, ты меня не возбуждаешь.

– Коз-за, блин... – пробурчал мачо и, проходя мимо, задел плечом. Лиза устояла.

Через перемену был обед. В столовой Лиза маневрировала с подносом, следила, чтобы не поставили подножку, и чувствовала себя героиней американского фильма про тюрьму. Если следовать логике сюжета, ей надо было побыстрее найти свой «Aryan Brotherhood». Ну, или хотя бы «Sisterhood».

После большой перемены в классе осталась едва ли половина – остальные решили, что есть более полезные и приятные занятия, чем примучивание своей попки жёстким сидением школьного стула. Разумеется, свалили самые борзые, и Лиза заметила, как несколько мальчиков и девочек, отличающихся зачуханностью высшей степени, просто расцвели. То же повто-

рилось и на следующий день. Новые товарищи вообще относились к учёбе философски. Они знали, что, во-первых, большинству из них школьные знания за пределом чтения, письма и четырёх арифметических действий «по жизни» не пригодятся. А во-вторых, без аттестата их всяко не оставят: хоть тройки, да нарисуют. Здесь не готовили будущих академиков, министров и адмиралов бизнеса. Здесь отбывали одиннадцатилетний срок будущие работяги без квалификации, будущие «менеджеры по продажам», будущие мелкотравчатые уголовники, будущие домохозяйки и будущие матери-одиночки, будущие потребители, телезрители, электорат – словом, те, кого власть имущие пафосно именуют простыми трудящимися, моральным большинством и опорой страны.

– Нормальный быдлярник! – весело сказала Лиза, когда мать спросила её, каково ей учиться на новом месте. К тому времени она ходила в местную школу уже неделю.

– Всё так плохо? – Казалось, мать не слишком удивлена и не расстроена таким заявлением.

– Как говорится, могло быть хуже.

– А я ведь тебе говорила...

– Мамуля-киса-рыбка-чижик, не начинай, а? Я не ребёнок, я всё взвесила, приняла решение и готова отвечать за него. Океюшки?

После этого разговора прошла ещё неделя, и Лиза стала героиней скандала. Даже не скандала, а бури в стакане воды местного значения. Но зато она узнала, что в «быдлярнике» не всё так беспросветно.

...Обществознание в одиннадцатом классе вёл единственный в школе мужчина. Он был невысок ростом, в свои без малого сорок имел обширную плешь в обрамлении ржавых кудрей и солидный живот. Он говорил высоким голосом и, когда увлекался, «кахххтавил», по поводу чего ужасно комплексовал, хотя и старался не показывать виду. Другой причиной комплексов педагога было пухлощёкое младенческое личико, поэтому он, чтобы выглядеть взрослее, носил очки и редкую бороду (он бы с удовольствием носил и густую, но густая, как на грех, не росла). Помимо очков и бороды, он носил перстень с чёрным камушком на правом мизинце, латунный значок на левом лацкане, старомодные карманные часы, водолазку под пиджаком и говорил о себе, что он «абсолютный, твехдокаменный консехватох».

Ученики его недолюбливали: он был одним из немногих, кто требовал если не реального усвоения знаний, то, по крайней мере, внятных ответов. Он не стеснялся ставить четвертные двойки, чего все прочие учителя избегали. Конечно, в итоге он выводил удовлетворительные оценки, но чтобы получить у него хотя бы «тройбан», разнеженным, привыкшим к халяве школярам приходилось попотеть.

Впрочем, у него было слабое место. Если он в процессе урока нападал на тему «хусских тйадиционных ценностей», им овладевал Дух Большого Глухаря: ничего не слыша, он токовал без умолку, творил картины «пассиона'ного взлёта евхазийской цивилизации», сокрушая козни «наших заклятых па'тнё'ов», и только звонок возвращал его к действительности.

Правда, такая удача выпадала нечасто.

Всё это Лиза узнала потом.

На прошлом уроке класс писал «небольшую п'ове'очную хаботку». «Нужно п'ове'ить, что осталось в ваших головах после каникул», – сказал «обществознанец» в ответ на протестующее нытьё ополовиненного класса.

И Лиза вместе со всеми погрузилась в «проблемы социально-политической и духовной жизни».

Она вспомнила недавнее и усмехнулась. В «Эврике» общественные науки преподавала Инга Петровна – сухонькая дама пенсионного возраста, похожая на «дворянку из бывших», как их изображали в советских фильмах: аккуратная, строгая, корректная. Она не считала ниже своего достоинства отвечать на «провокационные» вопросы и диспутировать с учениками –

если вопросы «не по теме» были содержательными, а не простым детским троллингом. Как-то раз во время урока, на котором шла речь о чём-то социально-духовном, поднял руку Серёга Маканин. Он слыл в классе революционным трибуном и возмутителем спокойствия. Остроумный и резкий на язык парень, обладающий к тому же не самой затрапезной внешностью и не самым хилым сложением, нравился многим девочкам... да, многим...

– У вас вопрос по сегодняшнему материалу, Маканин? – спросила Инга Петровна: она всем без исключения ученикам говорила «вы».

– Не совсем, Инга Петровна, – ответил Маканин, с достоинством поднимаясь. – В учебнике физики написано, что ускорения свободного падения – девять и восемь десятых метра на секунду в квадрате. И любой из нас может это проверить в любую минуту. – Он взял с парты ластик, высоко поднял его левой рукой, отпустил и поймал правой: этот эксперимент должен был проиллюстрировать незыблемость закона всемирного тяготения. – В учебнике геометрии, – продолжал он, – говорится, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы. И, когда мы выходим из школы, сумма квадратов катетов по-прежнему равна квадрату гипотенузы, а не пачке йогурта и сапогам всмятку. Так же с химией и биологией... а почему то, что мы учим на ваших уроках, справедливо только в стенах класса?

– Почему вы так решили, Маканин? – спросила учительница.

– Инга Петровна, мы не дети... хотя большинство ваших коллег считает иначе. Мы ходим по улицам, мы читаем газеты, пользуемся интернетом, и не только затем, чтобы смотреть порно и бугагашечки... И мы видим, что происходит вокруг. Мы видим, что в нашей стране дела со свободой, правами, законом обстоят совсем не так, как это написано в учебнике обществознания...

– А тебе надо чтоб как в Хохляндии? – подал голос Юрка Вицин. Он не любил снобизма Маканина, и нелюбовь к нему экстраполировал на всех «либерастов»... или наоборот, неприязнь к либеральной интеллигенции перенёс на склонного к фрондированию одноклассника – этого он уже сам не знал...

– Вицин, ваша реплика неконструктивна, – заметила Инга Петровна. – А у вас, Маканин, претензии ко мне, к авторам учебника или к окружающей действительности?

– Ему другой глобус надо! – не унимался Вицин. – Где одни рукопожатые со светлыми лицами. А то в России одни нетолерантные ватники вокруг. И совестливых геев в Гулаг сажают...

– Минуту тишины! – повысила голос Инга Петровна. – Маканин полагает, что учебник содержит некорректные сведения о российской действительности. А Вицин придерживается противоположной точки зрения. Отлично. На следующем уроке каждый из вас выступит с пятиминутным докладом, затем у вас будет десять минут на дискуссию. Для Вицина и Маканина это будет зачёт, если, конечно, они будут достаточно убедительны. Остальные выступят в качестве экспертов. Эксперты тоже могут получить зачёт, но это будет зависеть от их активности и компетентности...

...М-да. Здесь, конечно, никто не станет проводить зачёт в форме диспута. Тот же Вицин: он больше отыгрывал «простого пацанчика с народа», чем являлся таким. На здешнем фоне он выглядел бы интеллигентом. Точнее, интеллигентшкой. Тут словосочетание «социальный анализ» вызывает тихое гыгыканье... причём больше всех изображают весёлость чуханы, которые показывают, какие они крутые и испорченные.

Размышляя о том о сём, Лиза заполняла двойной листок привычными формулировками. Когда прозвенел звонок и «обществознанец» велел сдавать работы, она уже минут пять как закончила.

Буря грянула в пятницу.

В этот день обществознание было третьим уроком. Подойдя к своей парте, за которой она обычно сидела одна – с первого дня между ней и одноклассниками пролегла полоса отчужде-

ния, отчего она не очень-то страдала – Лиза увидела, как там раскладывает вещи незнакомая девчонка.

Новая соседка была небольшого роста, худенькая, с бесцветными волосами, забранными в «конский хвост», и в очках («Наверное, её тут чморят по-чёрному, – подумала Лиза. – Быдлотень очкариков не жалуется. Вот щастьице привалило, с чмошницей стол делить...»). Косметикой девушка не злоупотребляла. То есть не употребляла её совсем. На ней был простой джинсовый костюм; единственная яркая черта – брендовые кроссовки.

– Кто сидел на моём стуле? – осведомилась Лиза.

– О, привет. Так это ты новенькая? – спросила незнакомка.

Судя по голосу, слово «чмо» она знала применительно к другим, но не к себе. В новой соседке не было ничего от забитой омега-самочки.

– Ну, типа того. – Лиза поставила рюкзачок на парту. – Только я тебя что-то раньше не видела.

– А я к родичам уезжала, только сегодня вернулась, – просто ответила девчонка. – Читала, кстати, что о тебе наши тэпэшки в группе класса писали! – она ухмыльнулась.

– И как? Интересно? – немного враждебно поинтересовалась Лиза. Она заглянула в группу класса в первый или второй день учёбы на новом месте, но побыстрее вышла и испытала импульсивное желание помыть руки, глаза и мозги с мылом. Коктейль из инфантилизма, быдличества и розовых соплей вызывал у неё почти физическую тошноту.

– Ну, если хотя бы половина правды... Ладно. Потом пообщаемся, а то уже лысенький прикатился.

«Лысенький» пришёл вдоль доски, держа в руке пачку исписанных тетрадных листов, встал возле стола и постучал перстнем о его поверхность. Он стучал до тех пор, пока в классе не воцарилась относительная тишина. Лицо учителя выражало мрачную сосредоточенность.

– П'овехил я ваши хаботы, – сказал он. – У половины в головах девственная пустота. Но это не самое худшее.

Он достал из пачки листок, в котором Лиза узнала свою работу.

– Огохчила ты меня, Нист'атова. Очень огохчила. Вп'очем, я всегда знал, что из так называемых элита'ных гимназий выходят люди, насквозь п'опитанные либе'альной за'азой... Тихо! – прикрикнул он, потому что, услышав про «заразу», ученики принялись хихикать и перешёптываться.

– У меня всё правильно! – твёрдо ответила Лиза, стараясь глядеть прямо в карие раскосые глаза «консехватоха». Этому мешали бликующие стёкла очков. – Когда я закончила работу, я сфотографировала её на телефон и дома проверила по учебнику. Даже если бы я списывала, я бы не могла написать лучше...

– Вот оно! – воскликнул «обществознанец». – Вы там настолько хазвхашены, что вам хватает наглости воз'ажать учителю. Учителю! В ста'ые вйемена учителя почитали как отца и не смели ему пейечить! Понятно, откуда у тебя в башке это деймо п'о пийойитет свободы! Молчать! – это относилось к Лизиним соученикам, которые изощрялись в остроумии, комментируя «дерьмо в башке Нистратихи».

– Это дерьмо из учебника по обществознанию, – почти крикнула Лиза.

– Я сказал – замолкни! (Лиза выкатила глаза и сделала рот буквой «О» от изумления: в гимназии она такого не слышала. Во всяком случае, от учителей.) Это тебе не гимназия! Здесь с вами либехальничать не будут! Пока я здесь, тут тоталитаризм будет!..

– Просрали все полимеры, – вполголоса внятно проговорила Лиза, которая недавно пересматривала этот древний ролик.

Неизвестно, видел ли этот ролик «обществознанец», но ремарка про полимеры достигла его уха и подействовала, как иголка, воткнувшаяся в нежное место. Разгневанный педагог нале-

тел на девушку, как коршун. Разница была только в том, что коршуны не пытаются поразить добычу «кахххтавым» визгом.

– Ты... Ты что себе позволяешь? По'оли тебя мало!.. – орал педагог.

– Ни разу! – весело ответила Лиза. Её потряхивало. Немного от страха (всё-таки противник принадлежал к миру Взрослых, к тому же был Учителем – то есть был тем, кого полагалось слушать и покорно махать гривой), и немного от азарта. – То есть меня вообще ни разу не пороли. А вас? Вас часто пороли? У вас остались шрамы на мягком месте? Вы любите спанкинг?

– Вон пошла нах'йен из класса, твай! – взревел «обществознанец». – Бегом отсюда, а то я тебя за космы вытащу!

– Не советую, – сказала Лиза. Похолодевшие пальчики стиснули «паркер» (подарок папочки на семнадцатилетие), и она подумала, что, если этот картавый визгун прикоснётся к ней, она воткнёт ручку ему... ну, куда достанет, туда и воткнёт. Кажется, «обществознанец» увидел в глазах ученицы что-то нехорошее, потому что внезапно замолчал и подался на полшага назад. Лиза выждала пару ударов сердца, поднялась, сгребла вещи в рюкзак и не спеша, расхлябанной походкой, вышла из класса.

В рекреации было пусто, гулко и пахло пылью. Лиза прошла к подоконнику вскарабкалась на него с ногами и некоторое время сидела, усмехаясь непонятно чему. Потом достала из рюкзачка пачку сигарет, щелчком выбила одну, чиркнула зажигалкой и затянулась.

Она не была никотиновой наркоманкой, которой нужно закинуть дозу божественного алкалоида, чтобы справиться со стрессом. Она давно начала покуривать, но больше из любопытства, и не находила никакого кайфа в том, чтобы втягивать в себя едкий дым. Сейчас она курила, чтобы подчеркнуть своё наплевательское отношение ко всем школьным правилам.

Но в этот раз дым особенно мерзко драл горло. Лиза не по-девичьи выругалась, затолкала недокуренную сигарету в пачку, смяла всё и отшвырнула.

Скрипнула дверь. Лиза обернулась и увидела, что из класса, который только что покинула она, выходит её новая соседка по парте.

– Давно не виделись! – сказала она, подходя к окну. – Ну и накурила ты, подруга! – добавила она, демонстративно разгоняя рукой дым. – Удивляюсь, как в классе не почуяли.

– Угостить сигареткой? – спросила Лиза.

– Не курю.

– А я вот тоже. Бросила. Вот только что. А тебя, что, послали позвать меня вернуться?

– Да нет. – Девчонка подпрыгнула и уложила тощую задницу на подоконнике, в нескольких сантиметрах от ранта Лизиных гриндеров. – Он меня тоже выпер.

– Тебя-то за что?

– За толстый троллинг, – осклабилась девчонка. – После того, как ты ушла, на него снизошёл Дух Большого Глухаря. Ну, ты знаешь, наверное, что глухари, когда токуют, ничего вокруг не слышат...

– Знаю, знаю. Читала в детстве «Лес» Бианки.

Лиза разделила эти слова небольшой цезурой. Собеседница оценила каламбур, фыркнула и продолжала:

– Ну, вот, а лысенького понесло. «Либеxальная захаза, тxадитионные ценности»... – пискляво скартавила она, – в общем, даёшь правильное воспитание по домострою. А меня тоже разобрало, я и говорю: «Не сомневаюсь, что своих пятерых детей вы воспитываете правильно». Тут он взбеленился и выпер меня. Я ж наступила на его самую большую мозоль. Лысенький, – она ухмылялась, как будто рассказывала похабный, но ужасно забавный анекдот, – он ведь до сих пор живёт с мамочкой, прикинь! И детей у него нет...

– Мамочка ему не даёт? – спросила Лиза.

– Может, мамочка ему и даёт, а так... Насколько я знаю, он вечный холостяк. Ни разу не слышала, чтобы у него был романчик или что-то вроде того.

– Гомик, что ли? – осведомилась Лиза.

– Может быть, – не стала возражать девчонка. – Людмила.

– Елизавета.

(«Лизкой я ещё успею стать!»)

– И что теперь с нами будет? – спросила Лиза.

– Не знаю, что с нами, а ему точно пиздец, – спокойно сказала Людмила. – Потому что я его выступление записала и уже выложила в сеть. – Она помахала телефоном. – О, уже пятнадцать человек откомментировали. Мы звёзды. И наш дурачок тоже...

На перемене Людмила познакомила Лизу со своими подругами – двумя девчонками из параллельного класса: пухленькой темноволосой Наташей, в джинсах и олимпийке, и рыжей бледной Юлией в дамском деловом костюме. Лиза видела их несколько раз, иногда им даже приходилось переброситься парой слов, но не более того.

В столовой девушки сели вчетвером за один столик и пересмотрели Людмилину запись.

– А я про тебя слышала, подруга, – говорила Наташа. – Ты ещё в первый день Русика слегка опустила. Было такое?

– Просто сказала, что он меня не возбуждает. А что ещё сказать?

– Ты должна была дать ему потискать себя и пиццать «Ну Рууусик, ну отстаань, ну чё ты как эээтот, ну я нитакаааая!» – протянула Юлия самым быдлянским голосом. Девушки похихикали. – Он привык, что все перед ним стелются. Альфач с мыльного завода...

– Все стелются? – с намёком спросила Лиза.

– Мы – нет, – твёрдо ответила Юлия. – Вообще, знаешь, Лизок... если хочешь не иметь проблем, советую держаться нас. Не-е, я не угрожаю, ты что? Мы ж не гопотень какая-то! Как раз наоборот. Народец тут... – она выразительно сморщилась, – ну, наверное, сама уже поняла. Пролетарский район, вот это вот всё. Мальчики – такие, что любая, глядя на них, станет лесбиянкой. Нет, мы не лесбы, – поспешила добавить она, видя, как Лизины брови поползли кверху. – Извини, если что, сексуальная ориентация – это личное дело каждого, я знаю тут нескольких, сама увидишь. Но мы – вполне гетеро. Только все отношения – за пределами этого гадюшника. А другие девки в нашей параллели... без слёз не взглянешь! Одни всего боятся, дом-школа-дом, а дома из-за компа не вылезают, другие шалавы, третьи страшные, как биологическая война... Ну, ещё пара ботаничек, которые уже знают, о чём будут докторскую писать. (Лиза хмыкнула про себя, отметив, что её поверхностные оценки местного населения удивительно совпали со словами рыжей.) А ты нормальная, и это сразу видно.

Девушки мило проболтали всю перемену и половину следующего урока, а потом решили продолжить общение в нормальном кафе, куда и отправились. Людмила то и дело залезала в интернет с телефона и зачитывала особо интересные комменты к сегодняшнему видео.

– У вас в «Эврике», наверное, такого не бывало, – сказала Юлия.

– Всякое бывало, но такого – точно нет, – ответила Лиза. – Такое ебанько туда бы на пушечный выстрел не подпустили.

– Ну вот, а у нас он – без пяти минут завуч. – говорила Людмила. – Да ты не дёргайся, подруга...

– ...А я не дёргаюсь!..

– ...после этого его не уволят, но он точно присмирееет. Герой Интернета, блин! У нашего видосика уже под сотню килопросмотров.

– Ни фига себе! – воскликнула Наташа. – Откуда?

– А я его своему эмче кинула, а он на «Медузу» повесил.

– Куда? – спросила Лиза.

– «Медуза» – это сайт. Интернет-газета. Там любят такие хайповые видосики...

...Хайповый видосик не обошёлся без последствий. Скоро Лизе позвонила мать, которой, в свою очередь, позвонила директриса и пожаловалась, будто Лиза «сорвала урок и устроила недопустимое безобразие». Недопустимая безобразница рассказала, как всё было на самом деле, и, чувствуя в голосе родительницы недоверие, отправила ссылку на видео. Через несколько минут мать позвонила снова – уже в другом настроении. Она жаждала крови «этого нациста, который возомнил себя надзирателем в концлагере».

Три новые подруги, одна из которых была соучастницей, с интересом наблюдали за этими переговорами.

Скандал утих нескоро. Было несколько бурных разбирательств в директорском кабинете, с криками, воззваниями к совести и хватанием за сердце. Директриса просила «не полоскать честное имя школы в газетах». Лизина мать грозила судом. «Обществознавец» старался не встречаться глазами ни с ней, ни с Лизой, но по нему было видно, что он с удовольствием бы сжёг обеих на костре, а рядом поджарил бы Людмилу. Несдержанный педагог прославился в считанные дни. Он стал героем нескольких малопрстойных фотожаб, которые разошлись по соцсетям, он устал отбрёхиваться от журналистов, которые регулярно звонили ему на мобильный, и от такой жизни всерьёз готов был бежать из школы куда глаза глядят. Но потом, к счастью для «консехватоха», где-то на Дальнем Востоке разбился военный самолёт, где-то взорвалось полдома, и о забавном скандале в одной из московских школ стали забывать.

В итоге был подписан негласный мирный договор, в котором стороны признавали статус-кво. А большего Лизе и не надо было.

Жизнь в новой школе постепенно налаживалась. После инцидента с «обществознавцем» учителя испытывали к Лизе сложные чувства: она раздражала их самым фактом своего существования, хотя и была светлым пятном на фоне большинства учеников, которым ставили оценки по принципу «три пишем, два в уме». «Обществознавец» старался не замечать её. Отношения, похожие на доброжелательные, у неё сложились с преподавательницей физики, хотя к этой науке Лиза не питала большой любви.

Отношения с одноклассниками установились именно такие, как ей хотелось. То есть никакие. Парни пытались к ней подкатывать, но, прекратили эти попытки, встретив обидное безразличие: Лиза быстро усвоила, что вежливый игнор отбивает охоту общаться быстрее, чем показное презрение или ярко выраженная неприязнь. У одноклассниц она заработала репутацию «суки» и «одной из этих сук», как именовали её новую компанию.

А «эти суки» были незаурядными девушками, и Лиза не нарадовалась, что судьба свела её с такими интересными личностями. Пухленькая темноволосая Наташа увлекалась химией, историей и тем, что она сама насмешливо называла «ебизнес». У неё были несколько самодельных сайтов, с десятков сообществ и туча ботов в разных социальных сетях, с помощью которых она «торговала воздухом».

– Я могу уйти в ебизнес и буду свободно иметь в месяц двести штук, – говорила она. – Но я пока не решила, нужно ли это мне.

Рыжая яркая Юлия, которую подруги звали Юльчина, собиралась поступать на юрфак, чтобы продолжить семейную традицию и работать в МВД, как родители, дядя и оба деда. Она не хотела начинать карьеру в кабинете и заранее готовила себя к оперативной работе, занималась стрельбой из пневматики и боевым самбо.

А худенькая Людмила, которая подарила Лизе «пятнадцать минут славы», была писательницей. Настоящей! Она не кропала сладенькие девчачьи стишки и слэш-яойные фанфики по Гарри Поттеру, а сочиняла brutальные детективы с интригами, экшном и кровью. Два её романа, которые она опубликовала под мужским псевдонимом, продавались в виде электронных книг и имели успех. У её произведений даже было что-то вроде фан-клуба. Она со смехом рассказывала, что встречала на тематических форумах «бывших сокурсников и сослужив-

цев» «отставного капитана СОБРа Виктора Гареева». Так звали её литературного альтер-эго, столь же реального, как Козьма Прутков и Ричард Бахман.

Конечно, этим девушкам гоповатые мачо местного разлива были неинтересны.

Между тем зима неохотно, но всё-таки уступила место весне. Отправились в ссылку шубы и пуховики, родители перестали терроризировать своих чад бессмысленными и беспощадными требованиями «надеть шапку, а то последние мозги отморозишь». Когда установилось настоящее тепло, четыре эксцентричные юные интеллектуалки освоили новое место для времяпрепровождения – крышу двадцатидвухэтажной башни, где жила Людмила. Она раздобыла копию ключа от чердака, и раз в несколько дней девушки осторожно выбирались на крышу и наслаждались безлюдьем посреди города. Они поднимались туда и днём, и ночью, и ранним утром, когда солнце только показывалось над горизонтом. Во все стороны уходили крыши, похожие на шизофренический «тетрис», то тут, то там торчали трубы – длинные, полосатые, или широкие параболические чушки, похожие на шахматные ладьи. Массив крыш рассекали шоссе, а на севере в них решительно врезалось серое, зеленеющее с каждым днём пятно лесопарка. Крыша – не самое подходящее место для пикников, особенно в конце марта и в начале апреля, но девушки притаскивали туда пенопластовые коврики и проводили по несколько часов – болтали, попивали винишко, смотрели фильмы с ноутбука, фотографировались, опасно замерев над пропастью, на фоне уходящего за горизонт города.

Там же и произошло событие, изменившее жизнь нескольких человек.

Накануне у Лизы случилось очередное столкновение с Русиком. Нельзя то чтобы тот страдал от неразделённой любви – просто статус местечкового альфа-самчика не позволял терпеть отказ от тёлки. Для пацана не существует слова «нет», пацан берёт то, что ему надо, иначе он не пацан, за грубость надо наказывать по-жёсткому – эти максимы школьный мачо усвоил ещё до того, как у него случилась первая поллюция. В своих мечтах, где Русик видел себя безбашенным отморозком, он отодрал охреневшую сучку во все отверстия, но проделывать это в реальности не решался. Поэтому он ограничивался словечками, брошенными мимоходом в спину (или в лицо), и милыми знаками внимания – такими, как загородить ногой проход между партами. Словечки Лиза пропускала мимо ушей, а, когда Русик загородил ей дорогу, пожалла плечами, влезла на парты соседнего ряда и прошла по чужим книжкам и тетрадкам.

Но однажды он зашёл дальше обычного, и было ошибкой. Реакция Лизы на чужую пятерню у себя под юбкой был удар «пяткой ладони» в нос: Юлия поднатаскала своих подруг в искусстве спортивного мордобоя. Нос хрустнул, кровь брызнула на толстовку несостоявшегося альфа-человека и Лизину блузку. Русик гнусаво замычал и уже готов был не шутя наброситься на свою жертву, но двое его приятелей удержали его.

– Тихо, братан, тихо... запахло об тёлку мараться... Ей уже не жить...

– Тебе пиздос, поняла? – гнусаво прорыдал Русик.

– Она ещё ничего не поняла. Она скоро поймёт, – успокаивал обиженного вожака верный бета-самец.

– Сопли утрите, цыпочки, – сказала Лиза, надеясь, что враги не видят, как её трясёт.

В тот день больше никаких сюрпризов не было, но Лиза понимала, что Русик это дело так не оставит. Сломанный нос – это не пара резких слов, которые никто толком не расслышал. За такое подают в суд по уголовной статье, но мамкин блатарь, конечно, будет мстить по-своему.

Это произошло в пятницу, а в субботу они вчетвером отправились на крышу играть в волейбол.

Они не запирали люк. И, услышав шаги за надстройкой над лифтом, Юлия досадливо поморщилась: ну вот, кто-то настучал коммунальщикам... хорошо, если не ментам. Конечно, они ничего не нарушают, можно будет сказать, что замка не было, но всё равно такие разборки никому не нужны.

Из-за надстройки вышли пятеро. То есть пятого можно было не считать, это был пацанёнок лет двенадцати. Остальные – Русик, двое Лизиных одноклассников, которые постоянно отирались с ним, и ещё один одноклассник Юли и Наташи.

– Не дёргаться. А то с крыши полетите, – сказала Русик. Гнусавый прононс, который *потсаны* считают признаком крутизны, в свете последних событий усилился до комического уровня. Но на высоте семидесяти метров его слова звучали совсем не смешно.

– Чё надо? – спросила Юля.

– А ты вообще рот закрой. Откроешь, когда скажут. Щас вот эта, – он ткнул пальцем в сторону Лизы, – у всех нас у по разику отсосёт. А вы позырите. Можете тоже отсосать, хули нет. Потом обоссайте её и свободны. Кто полсловечка вякнет, найдём и язык вырвем. Ну чо, давай, Эврика-хуеврика...

Лиза почувствовала, как у неё резко ослабли ноги. Она сунула мигом ставшую ватной руку в карман, где лежал складной ножик. «Надо бить не сильно, а резко, – вспомнила она Юлькины уроки. – Какой там „резко“, мамочки, я же сейчас описаюсь...»

– А можно повторить? – послышался голос Наташи.

– Чё те повторить, овца ебаная? – почти по-доброму спросил парень.

– Кто кому будет сосать. И кто кого с крыши сбросит.

– Да тебя первой и сбросим, пизды кусок, если будешь тут вонять, поняла?

– Поняла. А ты в курсе, что ты только что стал героем интернета?

– Чё? Ты чё там лепечешь, убогая?

– Я веду видеотрансляцию. – Лиза увидела, что Наташа держит перед собой телефон. – Ваши рожи увидели во всём мире. И то, что ты тут лепечешь, тоже услышали.

– Ты запись сделала? Бля, я обоссался от страха, мать твою! Я твой телефон тебе в очко засуну, поняла? Дай сюда!

– Рус, оставь её нахер! – крикнул один из одноклассников Лизы и обиженного Русика. – Оставь её, говорю! Она реально ведёт трансляцию! Мы, бля, в прямом эфире! Есть такая приблуда в интернетах, реально!

– Чё? – Русик обернулся.

– Твой дружок умнее тебя, – заговорила Лиза. – Вас видят сотни людей в интернете. И кое-кто уже вызвал полицию...

– Да, тут спрашивают, где это, – подтвердила Наташа и спокойно продиктовала адрес.

– Если с нами что-то случится, – подала голос Юля, – вы все сядете. Вы уже заточкованы. Сядете надолго.

– Она не пиздит, реально! – в голосе парня, который кричал «мы в прямом эфире», звучали слёзы. – Пацаны, валим отсюда! Девчонки, ну простите, мы пошутили! Русик, ну не тормози, валим же!

– И побыстрее, пожалуйста, – сказала Наташа.

Незванные гости покинули крышу в беспорядке. Правда, неугомонный Русик на прощание обернулся и крикнул:

– Я тебя ещё найду, сука, готовься! Те'е не жить!

– О-оу. Какие страсти. Кажется, это всё серьёзно, – проговорила Наташа. – Дамы и господа, спасибо всем, кто смотрел наше реалити шоу «На крыше с обезьянками». При съёмках ни одно животное не пострадало. Буду держать вас в курсе дела. До новых встреч.

– Ф-фух!.. – выдохнула Юля и добавила длинную сложную фразу. – Лиза, ты ничего не хочешь нам рассказать?..

– ...Он этого так не оставит, – уверенно заявила она, когда Лиза пересказала вчерашнюю историю. Остальные покивали. – И теперь эти гондоны захотят всех нас прессануть.

– Да. Поэтому надо нанести упреждающий удар, – заявила Людмила.

– Да что ты говоришь! Есть идеи?

– Есть. Для начала нужен тональный крем и парик.

...«Сладкая ловушка» готовилась долго и на высоком профессиональном уровне. Людмила, которая из всех четверых была самой неприметной, выступала в роли «есть одна тья». Её отфотографировали пару сотен раз, в разных позах и в разных нарядах – от пуховика с угги до слоя масла. Общее у этих фото было одно: нигде толком не было видно лица. Лицо везде закрывали гигантские очки, «случайно» выбившаяся прядка парика, изящно приподнятое плечико, козырёк бейсболки, букет цветов.

– На рожу он всё равно не будет смотреть, – посмеивалась модель, когда Наташа фотографировала её, целомудренно прикрывающую соски пальчиками.

Модель прифотошопили к разным пейзажам. Через три дня упорной работы появилась на свет Аня «Tango-Mango» Кляксина, шестнадцати лет, любящая гулять, путешествовать, встречать рассвет на море, свою собаку, кататься на гироскутере и ходить в кино, фанатка сериалов «Интерны», «Ольга» и «Кадетство», а вообще разнообразных «интересов» у неё было полсотни. Она играла в «Весёлую ферму», у неё было двести френдов, дюжина няшных и мимишных подарков, несколько сотен аудиозаписей и сотня видеороликов, а ещё – полтораста фото в двадцати альбомах. Правда, записей на стене было мало, но всё объясняла закреплённая запись: «ЭТО МОЯ НОВАЯ СТРАНИЧКА, МОЙ СТАРЫЙ ПРОФИЛЬ ХАКНУЛИ (((ДОБАВЛЯЙТЕСЬ! ВСЕХ ЛЮБЛЮ!!!!!!» В графе «семейное положение» стояло кокетливое «не замужем».

Тому, кто зашёл бы на её страничку, трудно было бы вообразить, что эта активная, весёлая, живая девчонка никогда не существовала.

– Жить тебе, подруга, месяца полтора, – приговаривала Юлия. – Это будет твоя последняя любовь.

– Ключуло, – сказала она через неделю: на днях Аня Кляксина лайкнула пару фоток Русика, и уже вечером того же дня между ними завязалась многообещающая переписка, и вот альфа-пацанчик попросил «*прислать фоты каторых нету вконтakte нуты панимешь*».

– Ты панимешь? – хихикала Лиза. – Людок, кажется, пора послать ему сиськи.

– Рано ещё, – говорила специалистка по ебизнесу.

Полноценный секстинг начался через неделю. На деревьях зеленели молодые листочки, а в душе Русика буйно цвели гормоны. Усмирение бешеных тёлочек было отложено на неопределённое время. Аня Кляксина, поломавшись для приличия, согласилась «показать киску» и даже проделала некоторые манипуляции. Правда, из скромности она не включала веб-камеру, а отправляла своему обожателю видеоролики. Реакция жертвы была «ТЫ SUPERRR!!!!!!», после чего он не отказался прислать и некоторые свои откровенные фото.

Он был бы более сдержанным, если бы знал, что у него давно существует аккаунт на сайте знакомств ЛГБТ, и «Русико ЛюблюПожётче» ведёт откровенную переписку с тремя активными педерастами среднего возраста.

Наконец настал вечер «Х», когда Аня Кляксина назначила одуревшему от гормонов парню свидание в уединённой беседке в парке. Туда же «Русико ЛюблюПожётче» пригласил крепкого сорокалетнего бизнесмена южного происхождения, которому накануне намекнул, что любит баловаться с анальными шариками.

Накануне четыре заговорщицы обследовали место свидания. Оно было достаточно уединённым, чтобы распалённый гей начал лапать ничего не подозревающего пацанчика. Реакция Русика будет, скорее всего, кулачная, на что его «возлюбленный», обманутый в своих ожиданиях, ответит тем же... Жаль, увидеть это своими глазами не получится: местность не подходила для наружного наблюдения. Оставалось положиться на удачу и на горячность любителя мальчиков.

В ту ночь Лиза спала беспокойнее, чем перед экзаменом. Равно как и прочие участницы заговора. Под утро она заснула и была разбужена звонком Юли.

- Спишь? – с весёлой ядовитостью поинтересовалась та.
- Ну типа да. А что?
- Наталка сказала – встречаемся на скамейке, возле её подъезда. Всё супер.
- Он, значит...
- Говорю тебе, всё супер! Не по телефону же!

К месту встречи Лиза прибежала последняя. Три заговорщицы уже ждали её и подпрыгивали от нетерпения.

– Девочки, это нечто! – восторженно выдохнула Наташа, открывая на айфоне сайт криминальных новостей.

– При попытке вооружённого ограбления задержан ученик выпускного класса одной из школ столицы, – дежурно-озабоченным голосом вещал диктор. – Злоумышленник назначил свидание представителю сексуальных меньшинств. Местом встречи избрали парк. Когда мужчина прибыл в указанное место, юный грабитель спровоцировал ссору и нанёс потерпевшему несколько ударов руками и ногами, а затем ударил имевшемся при себе ножом и потребовал отдать ценные вещи. Однако потерпевший сумел оказать сопротивление. Полицейские, патрулировавшие парк, услышали крики о помощи и задержали злоумышленника, который попытался скрыться.

На экране грузный полицейский подводил к объективу взлохмаченного Лизиного одноклассника. Переносицу и лоб «злоумышленника» украшали ссадины, левый глаз был подбит, а общий вид вызывал скорее жалость. Затем кадр сменился. На экране появился следователь – бритоголовый, с короткой рыжей бородкой, при галстукке и в очках.

– Задержанный утверждает, будто не имел умысла на ограбление и нанесение телесных повреждений потерпевшему, – говорил он. – С его слов, он должен был встретиться с девушкой, с которой познакомился в социальной сети интернет, а потерпевший сделал ему оскорбительное предложение... Конкретно – предложил вступить в половую связь. Данная версия также будет нами проверена, хотя, по моему мнению, она представляет собой попытку задержанного выгородить себя.

Кадр снова сменился – теперь показывали профиль «Русико ЛюблюПожёстче». Некоторые фото были целиком замазаны.

– Следствие проверит задержанного на причастность к другим преступлениям аналогичного характера, – говорил диктор. – Полиция обращается к гражданам с призывом быть осторожнее при знакомстве в социальных сетях.

Досмотрев сюжет до конца, заговорщицы дружно издали восторженный вопль, который сделал бы честь оргазмирующему самцу гориллы.

На третьем этаже распахнулось окно.

– Девочки, ну что за безобразие, как вам не стыдно, орёте, как оглашенные, хулиганство какое, я сейчас милицию вызову! – заскрипел старческий голос.

– Всё нормуль, бабуль! – со смехом ответила Юлия.

– Какая я тебе бабуля, совсем стыд потеряли, идите домой и там горлопаньте... – не унималась пожилая блюстительница тишины.

– Воображаю, какой шухер завтра будет в школе, – мечтательно улыбнулась Юлия.

Олаф

...Лиза сразу поняла, что предстоит нечто. Едва она переступила порог квартиры, как мать сжала её в объятиях, так что она взвизгнула от неожиданности.

– Лизка, пляши! – с шутливой строгостью велела она.

– А что такое? – Лиза выпучила глазки в притворном удивлении.

– Пляши, говорю!

Как прикажете. Лиза скинула кроссовки, подошла босиком на цыпочках к стойке для верхней одежды, которая летом стояла пустая, ухватила за неё и изобразила пародию на стрип-данс. То есть выгнула спинку, поворачивала отставленной попкой, потом выпрямилась и взмахнула ножкой.

За свой номер она была вознаграждена аплодисментами – хлопком одной ладони по мягкому месту.

– Так, это что за разврат в моём доме?

– Ма, если ты настаиваешь, я спляшу «Камаринского»! Но с условием, что ты будешь подпевать! Знаешь, какие там слова? «Ах ты, сукин сын, камаринской мужик, заголив жопу по улице бежит, он бежит-бежит пощёрывает, половинками поддёргивает...»

Мать, не сдержав приступа истерического смеха, продрейфовала в свою комнату, где стояло кресло, и повалилась в него.

– Ой, Лизка... ты с ума меня сведёшь... кого я воспитала... А ведь я хотела сказать кое-что важное!

– Я вся внимание! – Примерная дочка подбежала к маме и села на пол, заглядывая в глаза с выражением хорошо воспитанной колли, которая просит лакомство.

А сюрприз и вправду был приятный. Мать на работе премировали путёвкой на двоих в Грецию, на остров Санторини.

– Вылет послезавтра, – добавила она.

В таких случаях пишут, что «радости... не было пределов». На самом деле, пределы были. Лизино ликование ограничилось границами квартиры, по которой она пять минут носилась с криками «Йехуу!» «Йес, йес, йес!» и «Мамульчик, я тебя люблю!»

Вечером того же дня она написала девчонкам, чтобы поделиться счастьем. Оказалось, не ей одной предстояло увеселительное путешествие. Людмила через неделю собиралась с родителями в тур по Скандинавии, а Наташа и Юлька, которым уже было по восемнадцать, на следующей неделе уезжали вдвоём в Черногорию. Им Лиза немножко позавидовала, потому что они будут гулять без родительской опеки, пить в барах, танцевать до утра, знакомиться с парнями... Девушки решили устроить общую отвальную и собрались на квартире у Юлии, благо её родители уехали на дачу.

Они отлично провели день, хотя общая радость была приправлена толикой грусти. Школа осталась позади, ЕГЭ сдан и забыт, как тягостный сон, однако четырём подругам в самое ближайшее время суждено было расстаться. Наташа из всех своих увлечений выбрала, по собственному выражению, наименее приличное, и отправлялась в Англию постигать интернет-бизнес на профессиональном уровне. Людмила решила учиться на политолога в СПбГУ. Точнее, так решила не она, а её родители, профессиональные журналисты. Они убедили дочь, что хороший журналист или высококлассный SMM-щик никогда не останется без куска хлеба, а писательство – пусть это будет для души. Учиться в Первопрестольной оставались только Лиза и Юлия, причём они поступили в один университет, хотя и на разные факультеты: Лиза – на химический, Юлия – на юридический.

В XXI веке, когда у каждого в кармане устройство, подключённое к широкополосному интернету, само понятие «разлука» изрядно девальвировалось. Но все понимали, что скоро

они уже не смогут вот так запросто собраться потусить у кого-то на хате, или поехать в центр, на концерт, в кафе или шататься по бульварам, или забраться на крышу поиграть в волейбол.

Кстати, после той достопамятной игры они больше на лазили на крышу. Сперва всё свободное время поглощала подготовка к Страшному Возмездию (которое оказалось чуть страшнее, чем они рассчитывали, но чьи это проблемы?), потом подкатили экзамены. После экзаменов они никак не могли собраться вместе, постоянно то одна, то другая была «на пару деньков» в отъезде, кто с родителями, кто с «эмче». А когда, наконец, собрались – оказалось, что расстанутся меньше чем через сутки.

Они сидели вчетвером, смотрели фильмы, делились воспоминаниями и планами (а больше фантазиями) на будущее. Потом зазвонил Лизин телефон. Звонила мать, узнать, где её носит, потому что вылет меньше чем через шесть часов. Лиза в растерянности выматерилась в трубку, вскочила и чуть не упала, потому что пол оказался предательски шатким. Через полчаса она стояла возле двери своей квартиры и пыталась открыть замок пилочкой для ногтей.

– Лизка, ты? – донеслось из-за двери.

– Йя! – ответила совершенно трезвая Лизка. Дверь открылась, и взрослая самостоятельная девица упала в материнские объятия.

* * *

Санторини встретил двух путешественниц солнцем, синющим небом, которое на горизонте сливалось с морем, раскалённым камнем, загорелыми полуодетыми курортниками и раздевающими взглядами черноглазых греков. В первый же день, едва успев заселиться в отель и перекусить с дороги, они двинули на пляж.

На пляже Лизу ждало испытание. Ещё в Москве, собираясь на отдых, она купила супероткрытый купальник, состоящий из верёвочек и треугольничков, которые не столько закрывали самые соблазнительные места её тела, сколько, наоборот, привлекали к ним внимание. Перед выходом на пляж она быстро переоделась в душе и теперь вибрировала от волнения. Не то чтобы она боялась прилюдно раздеваться почти догола, но она не была уверена, что её смелый наряд будет правильно воспринят матерью.

Страхи оказались пустыми. Они одновременно стянули сарафаны, под которыми оказались почти одинаковые мини-бикини, с той лишь разницей, что у матери треугольнички были не белые, а тёмно-синие.

– У нас одинаковые вкусы! – улыбнулась она. Видно, она тоже немножко стеснялась предстать перед родной дочерью не матерью, а молодой женщиной, которая тоже ищет любви и хочет привлекать самцов.

«А ведь мамуле ни за что не дашь её тридцати восьми!» – с гордостью подумала Лиза, с удовольствием глядя на родительницу, которая под южным солнцем расцвела, точно роза после щедрого полива. Впрочем, она и в северных широтах выглядела прекрасно. Её не подкошил ни многолетний разлад в семье, ни положение «соломенной вдовы». Другая бы на её месте стала заедать стресс тортиками и запивать кисляком, но мамуля дала себе жёсткую установку: поддерживать «боевую» форму.

Две молодых привлекательных дамы, взявшись за руки, бросились в море. Накупавшись до одури, они вылезли греться на лежаках, а потом, когда жариться под солнцем тоже надоело, как были, в купальниках, отправились в кафе на пляже.

Они кушали фруктовый салат, попивали безалкогольный коктейль и любовались морской гладью, по которой скользили несколько странных фигурок.

– Это что, сёрфингисты? – спросила мать. – А как они без парусов?

Лиза присмотрелась.

– Нет. Эта сап-бордеры.

– ???

– Они плавают на надувных досках с веслом. Присмотрись...

– Да, действительно.

– Я, кстати, пробовала как-то раз (тут Лиза слукавила), ничего сложного.

– Да ну? Всё, завтра идём на сап-бордах!

– Привет, девчонки! Скучаете? Можно вас угостить?

«Девчонки» повернулись в сторону говорившего, и, если бы мороженое вдруг стало отдавать горчицей, у них были бы лица попроще. Возле столика торчал карикатурный gusso turista. Волосатое пузо литров на двадцать нависало над цветастыми шортами. Выше пуза были сиськи, которым Лиза позавидовала бы, не будь они покрыты кучерявыми волосами. Между сисек висел «гимнаст» на золотой цепи. Широкая отёчная физиономия лучилась улыбкой, которую соотечественник считал дерзкой и привлекательной.

– Без тебя не скучали, – холодно ответила мать.

– Вы, я вижу, новенькие тут? – Толстопузый ничуть не обиделся, а даже больше того – придвинул стул и подсел к столику. – Я тут уже всё облазил, могу показать что...

– Да, мы новенькие. А ты старенький? – в тон родительнице спросила Лиза. – Вот и поищи себе бабушку. И ей покажи своего коня под навесом.

Мать прыснула и показала ей кулак.

– Не, чо ты сразу грубишь-то? – пузан нахмурился. – Я к вам вежливо, а вы...

– А твоя жена знает, что ты подкатываешь к чужим тёлкам? – спросила мама.

Удар попал в больное место. Пузан скукожился, насколько это было возможно при его габаритах, пробормотал что-то под нос, поднялся и вразвалку потопал прочь. Неудачливого ловеласа провожал безудержный хохот.

На следующий день путешественницы взяли в аренду два SUP-board. Управлять доской оказалось просто, они овладели этим искусством за полчаса, а потом носились на них по морю целый день.

«Если вы не плавали на SUP-boards, то ни в коем случае не начинайте! Это хуже наркоты! Привыкание с первого раза!» – думала Лиза, ловко отмахивая веслом справа и слева. Она моментально влюбилась в обманчиво-лёгкое скольжение по волнам, под щедрым южным солнцем и солёным ветром. Иногда на неё находили приступы незлой агрессии, и она, торопливо отгребая, летела вперёд, закладывала крутые виражи, любуясь белым бурунчиком, который оставляла её доска... и часто после особенно лихого манёвра летела кувырком в море.

Вернувшись после морской прогулки в отель, две девушки навалились на ужин, точно усталые землекопы, а на следующий день снова взяли SUP-boards и отправились покорять морскую гладь.

Вот тут-то они и повстречали Его.

Он вёл свою доску по прямой, не сворачивая, и шёл прямо на них. Или они шли прямо на него, хотя и не собирались этого делать. Но они встретились посреди моря.

Он – рослый, мускулистый, но не перекачанный бройлер, а поджарый хищник. Светлые кудри до плеч напоминали о викинггах, и что за беда, что викинги не носили пёстрые спортивные шорты и не плавали на SUP-boards, если он управлялся с веслом, как настоящий покоритель морей! Лицо, похожее на римские медальоны, уверенное и сильное лицо человека, привыкшего повелевать...

– Good morning, ladies! – приветливо крикнул он, помахав веслом. – Nice to meet you!

Леди синхронно затормозили. Три доски образовали правильный треугольник.

Через полчаса, выходя втроём на берег, они уже были отлично знакомы. Его звали Олаф, он прибыл сюда из Норвегии (да, да! настоящий потомок викингов!), а здесь он был – нет, не as a tourist, а как sales representative от швейцарской фирмы, которая поставляет в здешние отели бытовую электронику. Да, сегодня у него выдался свободный день, и он отправился покататься по морю, потому что с детства обожает всё, что связано с морем и вёслами, но, чем дальше, тем меньше времени на это, всё поглощают дела, life is passing by, зачем только мы так спешили

to become adults? Если дамы не против, он возьмёт ещё пару дней за свой счёт и устроит для них экскурсию по острову. Он знаком с местными крестьянами, которые продадут ему недорого прекрасный козий сыр и великолепное вино... да, конечно, ladies are agreed! Well, через час возле входа в отель!

Леди помчались переодеваться, поскакали, точно те козы, которых разводят островитяне. Мамочка в спешке переменяла бельё, выбирая то, что должно поразить сердце викинга, суровое, словно скалы его хмурой родины.

– Лизка! – строго окликнула она. Лизка в это время стояла голышом перед зеркалом, приложив к себе топик и шорты, которые заканчивались ниже паха.

– ???

– Не вздумай! – Она сделала страшные глаза и показала кулак.

Лиза презрительно фыркнула и стал с независимым видом одеваться.

– Не фыркай! Я видела, как ты на него пялилась! Ты для него сопля ещё!

– А говорят, они там в Скандинавии все педофилы! – с невинным видом ввернула «сопля». – А кто не педофилы, те педерасты.

– Дура.

Лиза пожала плечами.

– Застегнуть помощи.

Лиза немного дрожащими руками застегнула матери лифчик. Матери, которая торопится на свидание с мужчиной, в которого она влюбилась, как глупая девчонка, ревнует к нему подросшую дочь, злится за это на себя, но ничего не может поделать...

Через час они неслись на «саабе» Олафа по горному шоссе. Влюблённая мамочка устроилась на пассажирском сиденье возле водителя и без умолку болтала со своим викингом, который, если Лиза что-то понимала в жизни, тоже «запал» по уши. Мадам нравится на Санторини? Да, *incredibly pleasant*! Третий день здесь, но, кажется, провела бы всю жизнь. Да, понимаю вас, я живу в Греции уже седьмой год и до сих пор не надоело. Ха-ха-ха! Только мы, северяне, умеем ценить Юг. Sure! А ваша семья? Знаете, наша семья – *migratory birds*, мой брат живёт в Канаде, а мои родители, хотя оба норвежцы, познакомились в Англии. Это в крови, наверное. ...Нет, мы расстались ещё десять лет назад, жена уже *twice divorced*, а Олаф-младший уже совсем взрослый, почти ровесник *miss Elise*...

Miss Elise, оставшаяся в положении третьей лишней, развалилась на заднем сиденье и тщательно отыгрывала роль дурно воспитанной Лолиты. Даже надувала пузыри из жвачки, чего обычно не делала. Вот вам!

Но долго дуться у ней не получилось. Слишком солнечный стоял день, слишком ярко синело небо, чтобы молодая здоровая девчонка могла долго выдерживать себя в дурном настроении.

Скоро они прибыли на ферму. Её хозяин – молодой, недавно женившийся мужик, был удивительно не похож на грека: рослый, рыжий, синеглазый, с лицом и руками, густо усыпанными веснушками. Если бы его не звали Кристо, можно было подумать, что его зовут как-то вроде Торбьёрн, настолько он был похож на северянина. Кристо вёл хозяйство со своей женой и её младшим братом – темноволосым мальчишкой лет шестнадцати. Юный шури́н фермера потешно любезничал с младшей гостьей на греко-англо-русском суржи́ке. И козий сыр и домашнее вино действительно были прекрасны. Словом, прекрасно было решительно всё.

Кроме одного.

...Они заночевали на гостеприимной ферме. Лиза спала в мансарде вместе с матерью, но среди ночи проснулась и увидела, что осталась в комнате одна. Она подождала пять минут, решив, что мать вышла в туалет, но её не было. Лиза смекнула, куда она могла деваться. Накинув футболку на голое тело, она осторожно спустилась вниз, прошла босиком через двор и вышла за ворота.

Горячая ночь приняла её, точно морские воды. Лиза шла по дороге – босая, почти нагая, испытывая чувственное удовольствие от единения с избыточно щедрой природой. Она вспомнила, что море неподалеку, и решила сбегать искупаться, но тут её слух привлёк еле заметный шорох в зарослях.

С сильно бьющимся сердцем, прячась в тених, девушка прокралась туда, уже догадываясь, что увидит. Да, они были там. Мать и Олаф. Нагие, точно боги, демоны или первые люди, и столь же бесстыдные и прекрасные, они творили действие любви. Мать стояла на одной ноге, высоко подняв другую, одной рукой обнимала ствол чинары, а другой – шею Олафа. А тот, придерживая её поднятое бедро, входил в неё. Раз-два. Вперёд-назад. Лиза видела, как блестит лак на пальчиках ног матери, слышала их тихие стоны и сбивчивые междометия. Она смотрела на них, и её разрывали противоречивые желания: провалиться сквозь землю (мягкий вариант – бежать прочь со всех ног), смотреть на это и слушать эти звуки пылающими от стыда ушами и... быть на месте матери. Нет, она не испытывала к ней ревности, которая заставляет браться за нож или пузырёк с кислотой. Но ей хотелось, чтобы сильные руки скандинава обнимали её бедро и талию, а его жезл любви вошёл бы в её девственное лоно.

Лиза не помнила, долго ли она стояла, затаив дыхание и грызя кулак. Не помнила, как оказалась на ферме, но вернулась раньше матери, это точно. Она тщательно вымыла ноги – чтобы мать, увидев её грязные пятки, не догадалась, куда она бегала ночью и что видела – и потом заснула, как убитая.

На следующий день леди вернулись в отель. На прощанье мать, уже совершенно не стесняясь дочери, обняла и поцеловала Олафа. Следующую ночь Лиза провела в отеле одна, дав матери честное слово, что не будет шляться по улицам. И следующую тоже. И все прочие, оставшиеся до отъезда – потому что влюблённая мамочка проводила ночи в объятиях Олафа: то на его вилле, то на ферме Кристо. Лиза сдержала обещание и не шлялась ночью по улицам. Она купила свой «сап» и по вечерам отправлялась в море. Раздевшись донага, она носилась на доске по волнам, точно nereida. Потом, смыв пот в тёплом море, ложилась на доску и ласкала себя, воображая то Олафа, то фермерского мальчишку. Она возвращалась в отель уже под утро.

* * *

– Ты можешь мне это объяснить? Просто скажи – почему?

– Мама, я уже говорила. Я просто не хочу. Да, Санторини прекрасный остров, ну просто рай на земле, а Олаф в нём прекрасный принц, и он станет мне отличным новым папочкой, но не хочу тут жить, понимаешь ты это? Не хочу мешать расцвету вашей юной любви, вот и всё!

Мама вздохнула.

– Детка, я понимаю. Я всё-всё понимаю. Но... пойми и ты. Мне не восемнадцать, мне тридцать восемь. И мне уже трудно найти мужчину... понимаешь, мужчину, а не блудливого козла вроде сама знаешь кого, или сопняка, или стареющего лузера, или борова вроде того, помнишь – «э, девчонки, чё такие скушные?»... – она заговорила в нос, очень похоже передразнивая толстопузого ловеласа, и обе рассмеялись. – А я всё-таки женщина, а не старушка, понимаешь? – Лиза кивнула и покраснела, потому что очень хорошо это понимала.

– И тут – Олаф! Как сказочный принц! Лизок, пойми, такой шанс выпадает раз в жизни, и то не каждой! Если я буду тянуть, не говоря ни да ни нет, он подумает – а зачем мне такая ломака? Он ведь тоже не мальчишка, которого можно водить за нос и френдзонить...

– Мамуля, киса, рыбка, чижик, разве я что-то имею против?..

– Ну... не знаю... Не прошло и месяца, после встречи, как мы собрались под венец...

– Мама, ты всё правильно делаешь. Я рада за тебя. Честно-честно-честно! Но я не хочу переезжать в Грецию. Во всяком случае, пока. Ма... пойми и ты меня, я хочу пожить самостоятельной жизнью, ты не против? Когда соберусь замуж, то обязательно позову вас с папочкой

Олафом, а рожать буду в Греции, чтобы мой будущий бэби имел право на гражданство страны Евросоюза. Но пока поживу здесь, ладно?

Мать грустно улыбнулась и обняла Лизу. Она понимала, почему дочь боится жить с Олафом на одном острове...

Сводит с ума улица Роз...

Промелькнуло лето, ставшее для Лизы первым летом юности. Главным событием его стала свадьба мамы и Олафа. Свадьба была такая, какую Лиза хотела бы и себе: многолюдная, роскошная, весёлая и непринуждённая. Damned serious Олаф свою важность оставлял в офисе, а вне работы был дьявольским выдумщиком. Именно ему принадлежала идея провести церемонию регистрации брака на воде, точнее, на SUP-boards. Зрелище было незаурядное. Молодая невеста поддёрнула платье по самую «не балуйся», а жених и чиновник, регистрирующий брак, подвернули брюки. Лиза с детским злорадством поджидала, как кто-нибудь из них кувыркнётся в воду, но обошлось.

Основное гулянье было на ферме Кристо. Всего на свадьбе побывало с полтысячи человек: родственники Олафа, его друзья по работе, какие-то полужнакомые и ужасно позитивные греки. Со стороны невесты были только мамы родители и её старенькая бабушка, Лизина пра, а ещё – четвероюродная Лизина тётка с толстым мужем, двумя дочками-близняшками четырнадцати лет и семнадцатилетним гамадрилом-сыном, который решил, что непременно соблазнит дочь новобрачной. Однако он провалил испытание силы и ловкости, когда хитрая кузина спровоцировала его на гонки на sup-boards и, отплыв на морскую милю от берега, невзначай перевернула его доску. Это было бы не так фатально, если бы лизин пятиюродный брат плавал чуть получше топора, или хотя бы не постеснялся закрепить на ноге страховочный канат, соединяющий пловца и доску. В результате он доставил своей дальней родственнице немало весёлых мгновений, когда барахтался посреди моря и вопил «Помогите, пожалуйста!». Лиза помогла ему выбраться из воды, но об отношениях, помимо родственных, он более не помышлял.

Тем более что для Лизы дневной свет заслонил новоявленный отчим. Она понимала, что он никогда не будет с ней, и старалась пореже встречаться с ним. Это приводило к тому, что они постоянно сталкивались, и Лиза с трудом отводила от него глупые влюблённые глаза.

Ради приличия она погостила на острове полмесяца. За это время она освоила скутер и стала асом SUP-boarding'a, и от каждодневных прогулок по морю загорела, как индианка. Но море, солнце, прекрасная еда, прекрасное вино, а главным образом – близость обожаемого и недоступного мужчины раскошегаривали её девственную чувственность. Она пыталась снимать напряжение, благо ей выделили отдельную спальню, но результат был противоположный – юное здоровое тело с ещё большим нетерпением требовало любви. Лиза стала рассеянной и раздражительной, её угнетало это, но она ничего не могла с собой поделать. Когда настала пора возвращаться в Москву, она испытывала толику грусти, но вместе с ней и облегчение.

За остаток лета она освоилась в роли главной и единственной хозяйки в квартире, и ей это даже понравилось. Она заранее приучила себя к ранним подъёмам и начинала утро с десятикилометрового кросса по парку, а остальное время расходовала на необязательное общение в соцсетях, книги, фильмы и кулинарные эксперименты. Словом, вела себя как образцовая девочка-интроверточка. Она подумывала о том, чтобы пойти подработать, но после нескольких попыток отказалась от этой идеи. Никто не ждал на приличное место вчерашнюю школьницу без опыта работы, к тому же собирающуюся свалить через месяц. А устраиваться куда попало, лишь бы платили хоть сколько-то, она и сама не рвалась. Новый «папочка» подарил падчерице пять тысяч евро и обещал высылать ещё по пятьсот каждый месяц, пока она не закончит университет и не устроится на работу. Для разгульной жизни маловато, но, в общем-то, можно комфортно жить и даже кое-что откладывать.

Первое сентября стало переломным моментом. Большую часть дня юная студентка проводила в окружении огромного количества людей, а задания, которыми стали загружать с первой недели, едва оставляли время на еду и сон. Лиза присматривалась к соученикам, мысленно

классифицировала их, раскладывала по полочкам и отбирала тех, с кем можно познакомиться поближе, чем просто «привет-пока».

К ней тоже присматривались. Буквально с первых дней к ней стал липнуть один одноклассник. На первый взгляд, парень как парень – м/ч без в/п, с ч/ю, нормального телосложения, как пишут на этих дурацких сайтах знакомств; что касается м/п и ж/п, то Лиза этими вопросами не интересовалась, потому что не рассматривала его как будущего спутника жизни. А он думал иначе и вёл осторожную планомерную осаду, которая льстила самолюбию девушки. Лиза сходу дала понять, что её не требуется помощь в приготовлении заданий и тем более в ношении сумки («мы уже не в пятом классе!», объяснила она). С другой стороны, Алексей – так его звали – был разносторонне развитым юношей и интересным собеседником. Они часто болтали вдвоём, сидя на подоконнике или за столиком в столовой, вместе сидели в аудиториях, так что их всерьёз считали парочкой. Но, вопреки слухам, они даже не целовались (поцелуй в щёчку не считаются, так ведь?).

Однажды, когда первокурсники закончили особенно муторную и сложную работу по высшей математике – это был уже конец ноября – Лизин обожатель, почти не стесняясь, спросил, что она делает в субботу вечером.

– Я свободна, – сказала она.

– Тогда... можно я приглашу тебя на концерт?

– Приглашай!

– Это не совсем обычный концерт...

– Оу!

– Там будут выступать просто разные поэты, музыканты... будут играть что-то своё... Я тоже буду выступать! – выпалил он.

– Круто! – Лиза не придумала, что сказать ещё. – А... как будешь выступать? Тоже будешь читать стихи? Только не надо посвящать их мне, я этого терпеть не могу!

– Я – бард, – скромно сказал он. – Сочиняю стихи, придумываю к ним музыку, пою под гитару...

Лиза подумала и согласилась. В свои годы она уже знала: далеко не все люди, объявляющие себя художниками, писателями, музыкантами – гениальные творцы, полубоги, укушенные Пегасом. Наоборот, среди них достаточно бездарей, никчёмных бездельников и откровенных психопатов. И, конечно, творческие люди, за редким исключением, не купаются в золоте. Но, с другой стороны, не каждый может сказать про себя «я – бард». А Лёша был такой человек, что не стал бы приписывать себе несуществующие достижения: она уже в достаточной мере изучила его.

Они договорились встретиться за полчаса до начала концерта возле клуба, в одном из переулков между Сретенским бульваром и Садовым кольцом.

В день «икс» Лиза начала готовиться заранее. Она приняла душ и сделала шугаринг всех участков тела, где не полагается быть волоскам, не обошла внимание и зону бикини. Она придирчиво обозрела результат, а тем временем сердечко тревожно билось, и в голове метались мысли – «а вдруг... чем чёрт не шутит... а почему бы не он...». А накануне она купила сексуальное бельё, посетила маникюрный салон и навела глянец на ногти. Надевая перед выходом развратное кружевное великолепие, она вспомнила мать, которая готовилась к свиданию с Олафом.

Далее последовали чулки, белая блузка, клетчатая юбка до колен, гриндера и чёрное пальто.

Лиза оценила своё отражение в зеркале. Из стеклянной глубины на неё смотрела прекрасная и опасная амазонка из аниме. Не хватало только рукоятки самурайского меча, чтобы торчала из-за плеча.

– Вперёд, к победе, Лизи-тян!

Найти клуб не составило труда, но дальше начались проблемы. Хотя барышня, как полагается, опоздала на четверть часа, своего кавалера она не нашла. Она спустилась вниз – клуб находился в подвальном этаже, и ей очень понравились brutальные кирпичные стены, чугунные перила лестниц и тяжёлые деревянные столы. Участники уже собирались, и один парень с гитарой стоял на сцене, брал разрозненные аккорды и о чём-то переговаривался со звукооператором – это, как Лиза уже знала, называется саундчек. Но «её» юного барда не было и там.

Лиза начала злиться и немного беспокоиться, как вдруг заиграл её телефон.

– Лёха! Это ты! Ну наконец-то! Ты на подходе? Сколько тебя ждать?

– Лиза... – Лёшкин голос звучал глухо, – ты прости... я не смогу прийти...

– ЧТООО???

– Я... я заболел... Вот так внезапно... Я просто сам не знаю, мне очень стыдно...

Лиза уже набрала в грудь воздуха, чтобы высказать непостоянному кавалеру всё, чего он заслуживает, но последнее признание растопило её сердце.

– Ладно, Лёшкин, всякое бывает. Я не сержусь. Хочешь, я к тебе приеду?

– Нет-нет-нет! – В его голосе звучал такой испуг, что более опытная в этих делах девица немедленно заподозрила бы, что эту «болезнь» зовут Галя, или Надя, или Анжела, или как там зовут его новую сучку. Но в то время Лиза не то чтобы не знала о том, что любовники изменяют друг другу, а просто не примеряла это к себе. К тому же они не были любовниками, вообще-то... – Лиза, не надо, лучше... ну, потом как-нибудь...

– Хорошо. Я правда не сержусь, Лёша. Поправляйся, милый.

Она отключила телефон и хихикнула при мысли, какую рожу скорчил кавалер, услышав слово «милый». Когда отношения становятся привычными, мы бросаемся нежными словечками, не думая, что они значат. Но на заре любви слово «милый», сказанное девушкой, которая тебе нравится (которая знает, что она тебе нравится, и ты ей тоже, наверное, нравишься – во всяком случае, тебе хочется так думать), способно вызвать шторм в сердце... О, в начале отношений такие слова возбуждают больше, чем разнузданный секс в ролевых костюмах!

Поняв, что её предстоит одинокий вечер, Лиза всё взвесила, и решила остаться. В конце концов, она никогда не бывала на таких вечерах, и ей хотелось попробовать что-то новенькое. Она спустилась обратно в подвал и устроилась на кожаном диване возле стены. Подошла официантка. Лиза заказала зелёный чай с терамису и стала ждать начала выступлений.

Первые выступавшие ей совершенно не понравились. На сцене сменялись творческие личности: молодящийся старичок-флейтист в нелепом пиджаке, толстый курчавый юноша в мятых камуфляжных брюках, возглашавший патристические вирши, девочка ботанического вида, которая бормотала Ахматову с телефона, полуголая обильно татуированная лесбиянка с пирсингом, которая читала рэп, бомжеватый субъект без возраста, выкрикивавший матерные стихи про то время, когда у него ещё стоял. Одна молодая, но уже жирная бабенция пела какую-то попсовую чушь под фанеру – Лиза вспомнила соотечественников в зарубежных караоке-клубах.

Она брезгливо морщила носик и уже подумывала о том, чтобы уходить, как вдруг...

Как вдруг...

Первый гитарный проигрыш заставил её развернуться к сцене. Первый взгляд на Него – застыть с разинутым ротиком и чашкой на весу.

Это был он. Олаф.

Нет, конечно, это не мог быть он, но это всё равно был он. Такой же рослый, стройный и широкоплечий, только помоложе лет на десять, и светлые кудри так же ниспадали на чёрную футболку без рисунков, которая натягивалась на мускулатуре. Глаза цвета грозового неба осмотрели зал... и остановились на ней! И он улыбнулся, и эта улыбка была обращена к ней, и ни к кому более!

– Добрый вечер! – сказал он, и при звуках его голоса Лиза самым неприличным образом поплыла. – Сегодня я не подготовил ничего своего, а потому исполню несколько песен из репертуара моей любимой «Арии». Возражений нет?

– Возражений нет и не может быть! – крикнула Лиза.

– Ну что ж, тогда начнём.

Он взял первый аккорд...

*От края до края
Небо в огне сгорает
И в нем исчезают
Все надежды и мечты.
Но ты засыпаешь,
И ангел к тебе слетает.
Смахнет твои слезы,
И во сне смеёшься ты...*

Песня называлась «Засыпай»,¹ но для Лизы она стала «Замирай». Девушка замерла, как статуя, и следила за тем, как длинные сильные пальцы пощипывают струны, и ей казалось, что эти струны тончайшими эфирными нитями соединены со струнами её сердца. Когда песня закончилась, она продолжала глупо таращиться на белокурого барда, точно кролик на удава.

А потом...

*Жанна из тех королев
Что любят роскошь и ночь...*

Не помня себя, девушка вскочила на стол и принялась отплясывать под одобрительное «О-о-о!» собравшихся. Когда и эта песня закончилась, с неё словно спало наваждение. Она смущённо хихикнула и спрыгнула на пол. Зато теперь и Он смотрел на неё во все глаза.

– И последнее на сегодня...

*Я вижу, как закат
Стёкла оконные плавит,
День прожит, а ночь оставит
Тени снов в углах...*

О-о-о, не-е-ет! Только не это! «Закат»! Как можно так издеваться над нежной девичьей душой! Лиза вспомнила вечера, когда сидела на кухне, вглядываясь в пурпурные облачные замки на горизонте, и грустила – сама не зная, о чём, и сладкие слёзы наворачивались на глаза! Мало ли поводов для грусти у девицы в неполные восемнадцать лет? Под музыку и пение беса-искусителя со сцены её глупые влюблённые глазищи снова налили слезами. О-о-о, ну зачем же так...

На последних аккордах она рыдала, никого не стесняясь.

Стихли аплодисменты, мучитель с гитарой сошёл со сцены...

...и сел на кожаный диванчик возле Лизы.

«А-а-а! Мамочки! Что делать?!. Ведь он... ведь я...»

– Простите, милая девушка, не знаю вашего имени... – тихо пророкотал он.

¹ На самом деле эта композиция называется «Потерянный рай», но многие, в том числе героиня романа, помнят её под «названием» «Засыпай».

– Е... Ли... Елизавета!

Счастливые рыдания имеют побочное действие – нос наглухо забился соплями. Да твою ж мать, как некстати!..

– Елизавета, меньше всего на свете я хотел бы видеть ваши слёзы...

– Не беспокойтесь! Это... Просто мне очень понравилось...

– Вы тоже фанатка «Арии»?

– Ну... почти... то есть нет... не совсем... Но вы сегодня играли мои любимые песни!

– Правда? – Бес-искуситель был взволнован. Взволнован! Этот демон, который своими песнями заставляет взрослых девушек рыдать, как последних дурочек, может волноваться! О-оу!

Лиза набралась храбрости, высморкалась в салфетку, другой салфеткой отёрла слёзы и посмотрела на него...

– Конечно, дамам неприлично напоминать о возрасте, но в вашем поколении не очень много поклонников «Арии». Приятно поражён.

– Я хорошо сохранилась! – неуклюже сострила Лиза.

Они немного поговорили в таком духе, пока Лиза не заметила, что они держат друг друга за руки. У неё от волнения пересохло во рту, а сердце заколотилось, как не билось в тот день, когда её могли изнасиловать и сбросить с крыши.

Она встала, взяла Его за руку и потянула за собой.

Наверное, эти закутки специально делаются в клубах для таких, как они. В кирпичном колодце полтора на два метра они иступлённо целовались несколько минут. Блузка Сейлор-мун давно была расстёгнута, кружевной лифчик сдвинут, и одной рукой Он ласкал её груди, а вторая давно путешествовала под юбкой задыхающейся от страха и восторга девушки.

Краешком сознания Лиза подумала – а ведь как всё-таки хорошо, что в наше время люди вдоволь смотрят порнушку до того, как сами, выражаясь по-совдеповски, вступают в половую жизнь! Она читала, какие забавные фейлы случались раньше с молодыми ребятами, которые хотели трахаться, но имели не вполне ясное представление, что там у противоположного пола между ног, и главное, как это работает и что с ним делать. Нет, ей было проще. Технически.

Поборов страх, она присела на корточки и трясущимися руками растянула на нём штаны.

Ого!

Она никогда не видела ЭТО живьём, а тем более – вблизи. Страшно ей не было. Была гордость за себя, за то, что вызвала такое бешеное желание у этого полубога.

Она подумала, что, с точки зрения людей старого закала, ведёт себя как шлюха. Ну конечно, она должна была ломаться, а когда он

(лапал её за сиськи и жопу)

нескромно прикасался к ней, надо было лепетать заплетающимся язычком что-то вроде «Ах, как можно, сударь!», ну, а при виде ТОГО САМОГО – завизжать и брякнуться в обморок. А хрен вам!

Она, конечно, мало что умела, хотя уже больше года тренировалась на бананах и правдами-неправдами добытом фаллоимитаторе. Но пыл и старательность имели успех. Когда горячая вязкая жидкость заполнила ей рот, она почувствовала, что сама близка к оргазму. «Я это сделала! Вау! Клёво! Я это сделала! Я заставила его кончить!» – звенело у неё в голове. Всё её существо ликovalo. Она смотрела снизу вверх, и на её раскрасневшихся щёчках блестело семя первого в её жизни мужчины. Мужчины, которого она выбрала сама, который вызывал у неё искреннее восхищение.

Он бережно поднял её, а потом грубовато развернул (Лиза ахнула и упёрлась ладонями в прохладные кирпичи стены), стянул трусики, и девушка пискнула от неожиданности, когда не знающий усталости таран северного полубога вломился в её святая святых.

Она давно хотела этого. Всё лето и всю осень. И она была так возбуждена, что почти не почувствовала боли. Однако натяжение и разрыв плевы заставил её глухо вскрикнуть – больше от неожиданности, чем от боли.

– Ты... Ты девочка? – изумился белокурый бард.

– Не останавливайся, продолжай! – прорычала «девочка». – Ну?!. – и в предельно простых выражениях объяснила, чего ждёт от него.

Боль немного мешала, но это неудобство с лихвой перекрывала радость от того, что она впервые принимала в себя мужчину – того, которого она захотела. Да, она была у него не первая... и не сто двадцать первая, его манера любить говорила об изрядном опыте. В этот раз она сама получила настоящий оргазм, и, чтобы не заорать на весь клуб, вцепилась зубами в плечо. А потом её снова мощно накрыло, когда она почувствовала, что он тоже приближается к финалу. От удовольствия, более чувственного, чем физиологического, она на секунду потеряла сознание и пошатнулась. Он поддержал её, и прикосновение сильных мужских ладоней к нежной коже вызвало у неё сладкую судорогу.

Потом он помог ей, сбивчиво дышавшей и ничего не соображающей, привести одежду в порядок, и они вернулись в зал. По пути Лиза свернула в туалет, чтобы умыться: как бы ты ни была счастлива, не всем понравится смотреть на твою мордашу в потёках туши, слёз и спермы.

А потом небо рухнуло и раздавило юную женщину, счастливейшую в мире. Её прекрасный бард, её могучий белокурый титан, её полубог, которому она отдалась так легко и радостно, сидел на кожаном диванчике в обнимку с какой-то облезлой белобрысой сукой в кожаных штанах.

– О, вот и она! Познакомься, это Марина, моя жена. Марина, это Елизавета, самая крутая фанатка «Арии» и твоего супруга!

– Привет! – Старая, за тридцатник, сука протянула руку для приветствия.

Лиза оттолкнула её.

– Я только что использовала твоего мужика, сука, чтобы унять чесотку в манде, – внятно выговорила она. – И он сказал, что ему ни с кем не было так хорошо.

Брови старой мымры поползли вверх, но было непохоже на то, чтобы она ужаснулась или рассердилась. Это стало последней каплей. Лиза выкрикнула «Мразь, убью!», и бросилась на соперницу.

Первая в жизни настоящая взрослая драка ей плохо запомнилась. Девушки опрокинули стол, зазвенела разбивающаяся посуда, визжали какие-то бабы, а кто-то мужского пола с женскими обертонами верещал «Вызовите милицию!». Белокурый титан не побоялся влезть между двух дерущихся кошек, несколько раз оттащивал Лизу, та вырывалась и снова кидалась в бой... Потом её схватил толстый мент, казавшийся безобразно толстым в своём вонючем тулупе, и визгливый мужик – распорядитель вечера – требовал, чтобы её «забрали», а её недавний любовник и тощая сука орали на визгливого мужика и на мента, что никаких проблем нет...

Её отвезли в отделение в ментовском «бобике», в отсеке для арестованных, где изо всех щелей сифонил ветер, а Лиза была без пальто. Она не простудилась только потому, что была на адреналине, и организм до сих пор работал, как батарея. К счастью, отделение было близко. В отделении её заперли в клетку, где сидела старая обоссанная бомжиха и гадалка-попрошайка. Бомжиху ничего в этом мире не интересовало, и гадалка-попрошайка со скуки решила домогаться до новенькой.

– Чё за беда, подруга, э? Кто вапще такая? Чистенькая вся такая, я смотрю, симпатичная... Проститутка, что ли?

– Отвали от меня, ладно? – спокойно сказала Лиза.

– Ты чё, э? Ты чё такая нервная? Э, зубы жмут, да?

Она приблизилась, обдавая Лизу ароматом нечищенных зубов и очень свирепо тараща жёлтые гепатитные буркалы. Возможно, в другой обстановке Лиза постаралась бы избежать конфликта, но сейчас она была слишком возбуждена, и «тормоза» просто отключились. Она выбросила вперёд правую руку – и гадалка с воем схватила за собственный нос, который превратился в кровавое непонятно что. Раззадоренная удачей, Лиза отскочила и пнула неприятельницу в голень. Оборванка завывала ещё громче и медленно осела на скамейку. Лиза вцепилась в неё ещё несколько футбольных пинков, которые не нанесли особого ущерба, но доставили исключительное удовольствие.

– Сучилища!.. – простонала оборванка. – Ты... мразь... с тебя за беспредел знаешь как спросят? Ты на кого прыгнула, мандавошка ссыкливая? Ты... курва... ковырялкой сделают...

– Ещё слово – и я тебе башку отверну, – пообещала Лиза, не уверенная, что она сможет это сделать. Но гадалка решила не испытывать судьбу.

– Меня мииилый не ебёот – разобьюуу пизду об лёоод! – заорала, не просыпаясь, бомжиха.

Лиза, дрожа мелкой дрожью, отошла к решётке. Накатывал отходняк. Возбуждение сменялось отупением. Она стояла, держась за прутья решётки, тяжело дыша. Так прошло, как ей казалось, много часов. Потом она услышала, как кто-то громко повторяет её фамилию. Вскоре пришёл сержант со связкой ключей.

– Кто тут Нистратова? На выход! – сказал он.

– Гражданин начальник, эта беспредельщица мне нос сломала! – заныла попрошайка.

– А ты больше вафельник разевай! – бросил ей сержант. – Нистратова, ну я тебя долго буду ждать?

Он повёл её по коридорам. В изменённом состоянии сознания девушке мерещилось, эти коридоры никогда не кончатся, и они так и будут кружить вдоль серо-зелёных стен и железных дверей, слушая истерические вопли, под звон связки ключей. На самом деле, дорога заняла полминуты, и скоро Лиза уже стояла возле окошечка дежурного.

– Нистратова? – спросил усатый прапорщик.

– Да, я.

– Вон пошла отсюда, ссыкуха, – будничным голосом бросил полицейский.

– Что?

– Отпускаем тебя, понятно? Скажи спасибо, что эти граждане за тебя попросили. И оплатили всё, что ты в кафе перевернула.

– Какие граждане?

– Лиза, мы привезли твоё пальто.

Лиза обернулась на голос и увидела ту самую тощую суку, а рядом с ней – белокурого титана.

* * *

– Я никуда с вами не поеду! Уроды! Отвалите от меня! – кричала Лиза, шагая по тротуару.

– А куда ты поедешь? – спросила тощая сука. Она сидела в машине, а белокурый бард был за рулём. Машин ехала вдоль тротуара со скоростью шагов девушки.

– Домой!

– Мы тебя отвезём. Куда тебе?

Лиза остановилась. Эта тварь смотрела на неё – вы только подумайте! – по-матерински. Ни малейшей злобы, хотя Лиза русским языком сказала, что покусилась на неприкосновенность её супружеского ложа.

Это её выбесило. Она отошла на шаг, саданула ногой по боковому зеркалу и пустилась наутёк вглубь квартала. Захлопали двери, кажется, эта семейка выскочила из машины... но за ней никто не гнался.

– Лиза! Лиза, вернись!

Лиза остановилась, развернулась, показала «фак» с двух рук и побежала дальше.

Через два часа она была дома. Не раздеваясь, не снимая обувь, она бросилась на постель и зарыдала.

Содомиты, графоманы, альдегиды и кетоны

...Лиза бросилась на постель и зарыдала.

Через час она лежала в тёплой ванне и любовалась своей загорелой коленочкой, выступающей из душистой пены. В руке у неё был бокал с прекрасным санторинским вином, а рядом на табуретке стояла бутылка, опустевшая наполовину. На умытой рожице светилась диковатая улыбка, а в голове приятно шумело.

Пережитое ночное приключение, на которое Лиза теперь смотрела немного отстранённо – и, будем честны, рас-фо-ку-си-ро-ва-н-но!.. спасибо подарочку от мамы и папочки Олафа!.. – теперь виделось ей не ужасным, а забавным. Оно напоминало фильм про юную и прекрасную красавицу-авантюристку, которая, пройдя множество испытаний, опасных и ужасно завлекательных, в финале получит награду от судьбы.

Она, правда, не совсем чётко представляла, что это за награда. Её тёмное «я», гадостно хихикая, подсовывало какую-то глянцевою пошлость вроде трёхэтажного белого особняка среди буйно-зелёного сада, длинного лимузина под цвет помады, и полуобнажённого прекрасного принца, несущего её на руках по берегу лагуны на фоне заката. Ну, трёхэтажный особняк не особо-то нужен, её устроила бы ферма, вроде той, которой владеет Кристо с Санторини. А лимузин она променяла бы на мотороллер, водный мотоцикл (так и не успела на нём прокатиться!) и мотодельтаплан (на Санторини Лиза с тоской провожала их глазами, но мама, которая панически боялась высоты, сказала, что на «эту стрекозу-переростка» она сядет только через её труп).

С принцем было сложнее. Детские увлечения закончились вместе с детством, и она, хоть убейте, не помнила, какой мальчик в детском садике обещал на ней жениться, кто дёргал её за волосы в первом классе, кто, потев от робости, поцеловал в шестом (или в седьмом?). Зато она помнила, кто первый залез к ней в трусики и получил за это коленкой по причиндалам. Это был тот самый сын депутата, неудачливый наркоторговец. Он был неплохой паренёк: симпатичный (гораздо красивее своего толстопузого папаша), неплохой собеседник, насколько это возможно в четырнадцать лет, и в параллельной вселенной она бы с ним замутила, но он чересчур вошёл в роль криминального мачо и решил разыграть ролевую игру «крутой драг-дилер и евошная тьолка». Пришлось объяснить, что самые жестокие ролевые игры разыгрываются только с обоюдного согласия. Юный мачо, держась за колушки, просипел, что он поговорит с пацанами, что её отловят, вывезут на машине и будут по очереди драть в три смычка в тёмном подвале. Лиза тогда хватанула адреналина и целую четверть ходила в гимназию вооружённая до зубов – с перцовым баллончиком и ножиком с выскакивающим лезвием. Кроме шуток, она рисковала – если бы учителя обнаружили этот «арсенал», распрощаться с гимназией пришлось бы гораздо раньше.

Потом были другие, кто прижимался на дискотеке во время медленных танцев, кто запускал руки под футболку или в джинсы (и получал за это оплеуху... с небольшим опозданием), с кем она тискалась в кинотеатре на love seats. Два десятка этих Лёшек, Пашек, Толиков, Владиков, Славиков и Димонов промелькнули и растворились в серой мгле под именем Прошлое. Хотя некоторые заставляли девичье сердечко учащённо биться и даже становились персонажами нескромных фантазий. Если бы они знали, что Лиза вытворяла с ними в мечтах, они бы вели себя более решительно... впрочем, некоторым грёзам лучше оставаться грёзами.

А первым мужчиной, сладко-горькой несбыточной любовью стал Олаф. И то, что между ними ничего не было, заставляло Лизу ещё более пронзительно переживать первое настоящее взрослое чувство. Он стал для неё идеалом мужчины – недостижимым и безупречным. С той знаменательной встречи её личная шкала мужской привлекательности была отградуирована в дециолафах (ДО). Те, кого она оценивала ниже 2 ДО, шли на три буквы без разговоров.

От 2 до 5 – «давай останемся друзьями». Свыше 5 и до 7 – «не рассчитывай на повторение». Свыше 7 и до 9 – возможны длительные отношения, прогулки, поездки, секс, совместное проживание и планы на будущее. Возможны, но вовсе не обязательны, мда...

Свыше 9 – «да, да, милый, ещё, ещё, ой, не останавливайся, я твоя!..»

Лиза горько вздохнула и опрокинула бокал, точно в нём было не благородное вино, а смердящая резиной самогонка. Белокурый бард, который сорвал цветок её девичества, получал более 9 дециолафов. Если начистоту, он приближался к единице. Он даже был похож на скандинавского отчима, как младший брат, или как племянник на дядю. Но с ним была эта тощая сука, которую Лиза готова была убить голыми руками, а её возлюбленный и ненавистный бард вряд ли с этим согласился бы. У-у-у, подлый предатель! Неожиданно для себя Лиза подумала, что Лёшка на этом фоне выглядит весьма привлекательно. Он симпатичный, и к тому же трогательно и немного испуганно влюблён в неё. По нему видно, что он готов дать ей больше, чем глоток свежей спермы. Да вот беда: он, бедняга, еле дотягивал до 5 ДО.

Ну и что тут прикажете делать?

Юная женщина вздохнула, опрокинула бокал... и налила следующий.

Говорят, нельзя заливать стресс алкоголем. Фиг-ня. Когда бутылка опустела, Лиза ощущала блаженное благорастворение. Натянутые нервы так расслабились, что она едва не уснула в ванне. Последний здравомыслящий краешек сознания подсказал, что делать этого не следует, поэтому она вылезла из ванны, промокнула на себе капельки воды махровым полотенцем, как была, голышом прошлёпала в спальню, плюхнулась на кровать и... её не стало.

Она проснулась через N+1 часов от мерзкого звука, который идентифицировала как звонок городского телефона. Она подскочила, голым взлохмаченным метеором пролетела через полкомнаты, цапнула трубку, и в ответ на сонное «Аллё!» услышала задушевные слова:

– Болит позвоночник? Клиника остеопата доктора Хренова...

– Иди на хрен, доктор Хренов! – крикнула Лиза и дала отбой.

В комнате было темно, и первое, что она сделала, закончив беседу с «доктором Хреновым», это подбежала к выключателю и нажала на кнопку. Плоская светодиодная люстра залила комнату сильным, но мягким светом. Лиза не любила находиться одна в тёмной квартире. Мамуля посмеивалась и говорила, что такой большой девочке стыдно бояться темноты. Лиза ужасно комплексовала по этому поводу, но ничего не могла с собой поделать.

Комплексы и смешки кончились в один день, точнее, в одну ночь. Это случилось уже после того, как семья распалась, и Лиза с мамой переехали на новую квартиру. Тёплой майской ночью Лиза вышла на балкон подышать свежим воздухом. А единственный балкон имелся в комнате мамочки. И вот юная леди, опоэтизированная ароматами распускающейся черёмухи и песнями соловьёв, целомудренно закутанная в белую простыню, вплыла на цыпочках в комнату... и её встретил сверлящий визг, от которого она сама присела и едва не описалась. Мамочка потом рассказывала, как услышала сквозь сон скрип балконной двери, а, приоткрыв глаза, увидела, как к ней по воздуху плывёт белое пятно, один-в-один похожее на покойную двоюродную бабушку. После этого они смирились с тем, что в квартире живут две трусихи, и Лиза по вечерам смело врубала полную иллюминацию. Хотя с того раза, как она сама побыла привидением, страх темноты немного ослаб. Но всё равно – одна в тёмной квартире она чувствовала себя неудобно.

Включая повсюду свет, Лиза проследовала на кухню. Там она согрела чайник, заварила травяной чай и устроилась в постели с большой дымящейся кружкой, шоколадкой и планшетом смотреть «Звонок».

В это время раздался звонок.

Лиза подскочила, как кошка при звуке пылесоса. Планшет полетел в одну сторону, чашка – в другую (к счастью, ничего не разбилось). Потребовалось несколько секунд, чтобы собрать раздёрганные нервы, и убедиться, что за ней не пришла маленькая мёртвая девочка

из телевизора. Телефон продолжал надрываться. Ругая телефонных спамеров в выражениях, не подобающих юной леди, Лиза прошествовала к аппарату, сорвала трубку и очень недружелюбно бросила:

– Алло! Слушаю!

– Ой, Лизонька, здравствуй, детонька! Это Людмила Геннадьевна с седьмого этажа, помнишь?

Ну конечно, как забыть? Всё-таки они были знакомы целый год. Дорогая соседка Людмила свет Геннадьевна заявила знакомиться на следующий день после того, как Лиза и её мать въехали в новую квартиру. У новой соседки были голубоватые крашенные кудри, щёки, висящие пустыми мешками, бородавка за левым ухом и омерзительная привычка называть всех женщин, которые моложе её больше чем на десять лет, «детонька». Она пришла в гости с ананасом и «диетическим» тортиком («я знаю, я знаю, детонька, сейчас не прежние времена, никакой партком не удержит мужчину, если вы перестали быть привлекательной, так что женщины должны следить за фигурой, и поэтому никаких вредных калорий, всё натуральное!»). Мамуля была озадачена внезапным визитом новой соседки, но в глубине души рада тому, что разбор баракла можно под благовидным предлогом отложить до завтрашнего дня («Вот в кого я такая ленивая жопа!» – хихикала Лиза). Она по-быстрому сварганила кофе, и три дамы надолго засели на кухне. Разговор скоро вырлил на дела семейные. Мамуля не стала скрытничать и на прямой вопрос новой соседки «а... муж ваш, детонька?» ответила с беззаботнейшей улыбкой: «А муж объелся груш!». Людмила Геннадьевна состроила скорбное лицо и посокрушалась о кризисе семейных ценностей и о бедственном положении, в котором оказалась современная женщина. Она, оказывается, тоже развелась со своим благоверным, лет десять назад, и «тоже» сперва думала, что жизнь кончена (тут Лиза с матушкой незаметно переглянулись: ничего подобного ни та, ни другая не думала), зато потом корила себя, что не сделала этого лет на пять раньше. Она рассказала, как великолепно воспитала своего сына без влияния «этого, прости господи, козла»: сын окончил Литературный институт и работает редактором в издательстве. Сообщая это известие, она покосилась на Лизу. Лиза из вежливости хмыкнула с уважительным интересом.

Людмила Геннадьевна ещё пару раз напрашивалась в гости и столько же раз приглашала к себе. Мать ходила, а вот Лиза под разными предлогами отказывалась. Новые соседи были ей малоинтересны. К счастью, Людмила Геннадьевна не знала её мобильного, поэтому до сего дня, точнее, вечера, дружелюбная нижняя соседка не нарушала покоя скромной девичьей келейки.

Но сегодня, после ночи, полной пьянства, разврата и преступлений, Лизе захотелось покоя, уюта, журчащего разговорчика за чайком с тортичком и прочих незамысловатых радостей. Она подумала не дольше секунды и не стала отказываться, когда Людмила Геннадьевна сообщила, что её Ваня получил повышение по службе, и они по такому случаю приглашают её на «скромную домашнюю пирушку».

– Конечно-конечно, Людмила Геннадьевна! Огромное спасибо за приглашение! Да, приду! А что мне...

– Ничего не надо, детонька, у нас всё есть, всё готово. Просто посиди с нами. У нас сегодня семейный вечер...

(O-oy!)

Ну, семейный так семейный. Значит, надо соответствовать. Лиза выбрала для себя образ няши-скромняши, этакого тихого омута, в котором те ещё чёртики водятся. А всякий образ должен быть выдержан от и до. Первым делом она натянула хлопковые трусики и лифчик – всё непорочно-белое, без узоров. Далее последовали коротенькие белые носочки. Надо было одеваться дальше, но Лиза не выдержала и на цыпочках подбежала к зеркалу. Из глубин Зазеркалья на неё смотрело невиннейшее и порочнейшее чудо. Она украсила нос очками, скрутила

волосы в пучок на темени, взглянула на себя и просто растаяла от умиления. Такой ангелочек достоин уникального мужчины

(Олафа)

а все остальные должны стелиться перед ней и вылизывать следочки... Однако Людмила Геннадьевна вряд ли будет в восторге, если юная соседка предстанет на пороге в таком виде. Поэтому она надела голубые джинсы без потёртостей и стразов и белую футболку без принтов.

Скромные девочки не злоупотребляют косметикой, поэтому она ограничилась тем, что очень умеренно подмазала брови и ресницы. Так... ангелок готов. Напевая «Destination Calabria», она вприпрыжку сбежала по лестнице на три этажа вниз.

Вот и дверь с номером 172. Лиза утопила кнопку звонка, слушая задушенное щебетание искусственной птицы...

У всякой квартиры есть свой, ни с чем не сравнимый аромат. Носик Лизы немногим уступал нюхательному аппарату зюскиндовского «Парфюмера» и улавливал оттенки запахов, которые нормальные люди не замечают. Прихожая Юлькиной квартиры встречала запахом кожи: всё её семейство носило кожаные плащи, куртки и пиджаки. В квартире одного мальчика, который водил её в кино, когда им было по двенадцать лет (и ведь его родители, кажется, строили на них определённые планы!), пахло извёсткой от стен, лыжной смазкой и отходами жизнедеятельности тараканов. В квартире юной писательницы Милы пахло пластиком, перегретой проводкой и шоколадными конфетами...

Когда Людмила Геннадьевна распахнула дверь, Лизу обдала волна сладковатого аромата неясного генезиса, приправленного запахом книг: смешанным запахом бумажной пыли, старых и новых страниц, типографской краски и клея. Вдоль стены коридора стоял книжный шкаф, заполненный снизу доверху.

– Лиза, детонька, наконец-то! – пропела хозяйка квартиры. – Проходи, располагайся. Иван! Иван! Да выйди же, наконец, поприветствуй нашу гостью!

– Сейчас, ма! – откликнулся откуда-то из книжных глубин мужской голос.

– Иван Арнольдович! Оставьте вашу деловую переписку! А то Елизавета может подумать, что вы невежа и негостеприимный хозяин!

Послышался звук стула, который двигают по полу, невнятное междометие, и Иван Арнольдович собственной персоной вышел в коридор.

– Здравствуйте, Лиза! – сказал он с радушием человека, которого оторвали от «Вовы» или «Линеечки».

– Здравствуйте, Иван! – сказала Лиза и похлопала ресницами, глядя на новое действующее лицо поверх очков: наивность 80 lvl, милота 146%, сексуальность 666 баллов. Хотя нельзя сказать, что молодой хозяин квартиры произвёл на неё сногшибательное впечатление. Это был вполне заурядный парень лет 25—27, среднего роста, с небольшим брюшком, которое к тридцати пяти превратится в пузико-арбузико. «Помногу сидит за компом», – решила Лиза. Лицо – ни то ни сё, не то чтобы отталкивающее, но какое-то незапоминающееся. При виде «стильной» щетины она едва удержалась от неприязненной гримаски: она терпеть не могла этой искусственной «брутальности». «Мальчики, если вы хотите показать, какие вы мужественные – докажите это делом!...» – так она объясняла свою нелюбовь к «ощетиненным». Правда, кисти рук молодого человека ей даже понравились: крупные, длиннопалые, сильные и изящные. Породистые руки. Она терпеть не могла пальцы-сосисочки и недоразвитые детские ручонки у взрослых парней.

– Так, молодые люди, – Людмила Геннадьевна взяла ситуацию в свои руки, – проходим в гостиную, не задерживаемся.

– Граждане, не мешайте проходу граждан! – хохотнул Иван.

На круглом столике в гостиной стояла тарелка с фруктами, вазочка с пирожными и бутылка шампанского, а также три прибора – бокалы, чашки, тарелочки.

Шампанское было запечатано.

– Давайте же, – с весёлой торжественностью начала Людмила Геннадьевна, – отметим в узком, почти семейном кругу событие, которое обещает стать поворотным в истории отечественной словесности. Иван Арнольдович Ковалевский со вчерашнего дня стал заместителем главного редактора издательства «Вектор-М». Ура, товарищи! Просьба к виновнику торжества лишить девственности эту прелестницу, что украшает наш стол!

Услышав эту лёгкую фривольность из уст почтенной старой дамы, Лиза замерла с неприлично открытым ротиком. А свежееиспечённый заместитель главного редактора, усмехнувшись, со словами «Ну, ма, артистка разговорного жанра!» принялся скручивать проволочку с бутылочной головки.

Вскоре бутылка была вскрыта с приятным звуком «пох», и золотистая жидкость наполнила бокалы.

– Поздравляю, Иван! – прошептала Лиза, преданно глядя в глаза виновника торжества. – А заместитель главного – это много или мало?

– Конечно, нет предела совершенству! – самодовольно улыбнулся Иван. – Но в нашей конторе это значит «первый после бога». Потому что главный редактор – он же генеральный директор. Хозяин издательства, проще говоря.

– Инте-ре-сно! – протянула Лиза: она знала, что люди падки на лесть и на показную заинтересованность их делами. – А что вы издаёте?

– Брошюрки, календарики, всякую мелочь... и графоманов! – ответил «первый после бога». Лиза приподняла брови, и Иван, заметив признаки интереса, с удовольствием продолжал. Видно, сел на любимого конька: – Знаете, Лиза, до сих пор сотни несчастных готовы платить свои кровные, чтобы увидеть собственные убогие стихи или невнятные прозаические выделения на бумаге. Они платят нам, мы печатаем их сборники, а они потом десятилетиями раздаривают их родственникам.

– Печально, – сказала Лиза, чтобы что-то сказать.

– Что «печально»? – не понял Иван.

– Люди стараются... сочиняют... изливают душу... а это всё никому не нужно... – объяснила Лиза, как могла.

– Просто чужие душевные излияния никому не нужны, – жёстко сказал заместитель главного редактора. – Зачем нормальные люди покупают книжки – ну, те, кто в наше время что-то читает? Чтобы страдать и мучиться вместе с автором? Испытать очистительный катарсис? Я вам вот что скажу, Лизавета: большинство людей хочет элементарно расслабиться. Полистать книжку, погоготать, если там чё-то прикольноенькое, вообразить себя суперменом, который раскидывает всех плохих парней, как котят, или суперкрасавицей, от которой все мужики падают, особенно, если в жизни ты – серая мышь, каких большинство. На хрен не нужны никому высокие чувства, особенно чужие! И к тому же коряво изложенные! – добавил он, успокаиваясь.

«Ого, как завёлся!» – подумала девушка. – «Наверное, сам изливал на бумагу *высокие чувства*, а они оказались никому на хрен не нужны...»

– А нормально, за гонорар, вы никого не издаёте? – спросила Лиза.

– Дорогая Елизавета, чтобы издатель платил автору гонорар, он должен быть уверен, понимаете, на двести процентов уверен, что книга разойдётся. Таких авторов в России по пальцам перечесть, и все они давно закуплены крутыми издательствами. Мы работаем с теми, кого продать невозможно. Ну, мы, конечно, выставаем книги наших авторов, – он подлил в слово «авторов» баррель желчи и яда, – в свой магазинчик, но больше для проформы. Чтобы у графоманов была надежда, будто они кому-то нужны.

– М-да... – только и сказала Лиза.

– Иван, ты как всегда! – пожурела виновника торжества Людмила Геннадьевна. – Говорить с дамами о своей работе невежливо.

– Но мне интересно! – почти искренне сказала Лиза. – Кстати, у вас так много книг... я ни у кого столько не видела!

– Библиотеку начал собирать ещё мой дедушка! – гордо сообщила Людмила Геннадьевна. – А самые старые книги он унаследовал от своего дедушки. У нас есть даже первые издания Льва Николаевича с дарственной надписью от автора.

Спустя секунду гостя сообразила, что речь идёт о Льве Толстом.

– Круто! А можно посмотреть?

– Главные раритеты – в моём кабинете, – снова вступил Иван. – Готов поработать гидом.

– Конечно, покажите, пожалуйста! – Лиза одарила его тёплым взглядом, исполненным надеждой на грядущее блаженство (кажется, так пишут в пыльных книгах?)

«Кабинетом» называлась комната, где Иван спал и работал за компом. Кроме компа, ничего не указывало на то, что это жилище молодого современного парня. Вдоль одной стены тянулись книжные полки, возле другой стоял платяной шкаф и аккуратно застеленная кровать.

Госте был предъявлен «Русский вестник» 1863 года. Страницу, где начиналась повесть «Казачья», украшал порыжевший чернильный росчерк, который Лиза, как ни пыталась, не смогла прочесть.

– Настоящее сокровище! Твой дедушка знал Льва Толстого? – «Ты» вылетело само собой и настолько естественно, что никто этому не удивился.

– Нет. Он купил эту книжку у одного обедневшего толстовца. Тот проигрался на бирже и распродал автографы графа-смутьяна, чтобы хоть как-то поправить дела.

Иван рассказывал про обедневшего толстовца, а хитрая гостя продолжал украдкой зыркать по комнате. Следов присутствия женщины, даже эпизодического, она не заметила, хотя это, конечно, вовсе ничего не означало: он мог встречаться с девушками и за пределами своей квартиры. Но это было непринципиально: 5 дециолафов, и то с натяжкой...

А над кроватью висела картина, которую Лиза узнала, несмотря на полумрак. Это была репродукция Александра Иванова «Аполлон, Гиацинт и Кипарис». Эта картина ей нравилась, особенно загорелый Кипарис. Она впервые увидела эту картину четыре года назад, и этот мальчишка стал являться в её фантазии. Господин Иванов знал толк в красивых мальчиках и изображал их с любовью. Вот только в комнате мужика эта картина смотрелась... гмм, подозрительно.

Лиза обернулась и ахнула про себя. Напротив греческой троицы изгибался «Победоносный Амур» Караваджо. Да, конечно, это высокое искусство и бла-бла-бла. Но, как ни крути, голые пацаны – это голые пацаны, и, если мужик любит перед сном позирнуть на мальчишек без ничего, это наводит на определённые мысли. Он что, содомит?

– Красивые картины! – сказала Лиза. – А кто их писал?

– Это Иванов... – начал редактор-мальчишколюбец.

– ...а это Караваджо. Я знаю. Но это же копии, так ведь?

– Да. Но копии мастерские, правда?

– Что есть, то есть.

– Это писал один папин друг, художник-копиист. Копиист – это тот, который делает копии известных картин. Он говорил, что я похож на Кипариса с картины Иванова...

Так, кажется, из шкафа забренчал костями один семейный скелет...

Лиза не придумала, что сказать, но тут у неё в кармане заиграл полонез.

Звонил Лёшка.

– Алло, Лёшкин, привет! – крикнула Лиза излишне громко.

– Лиза... – Юный бард сглотнул слюну. – Я... Прости, если сможешь.

– Ты влюбился в соседку и через неделю свадьба?

– Да не... ну что ты... Просто так вышло... я тебя зазвал не этот вечер, а сам не пришёл...

– Ой, ладно, Лёшкин, проехали! Всё в порядке.

- Ну, я всё равно должен тебе сказать...
- Завтра скажешь.
- Кстати, завтра у нас коллоквиум по альдегидам и кетонам, ты как вообще, что-то петришь?
- Ох ты ж ёб твою мать! – не сдержалась Лиза.
- Понятно! – усмехнулся собеседник. – У меня то же.
- Так, всё, Лёшкин, отбой, я понеслась готовиться. Блин, надо хоть что-то в башку записать...
- Дела учебные или сердечные? – подмигнул Иван, когда Лиза закончила разговор.
- Ага, сердечные. Я тут чуть инфаркт не схватила. У меня коллоквиум завтра, а я не готова ни хрена.
- Я догадался по твоему экспрессивному возгласу.
- Блин, не напоминай! Ещё решишь, что я быдловка какая-то...
- Всё в порядке. Я сам иногда могу ляпнуть такое, что небу жарко.
- «Забавно. Кажется, мой матерный вопль поразил его в самое сердце! Ему нравятся грубые девушки? Наверное, он всё-таки не содомит. Но всё равно...»
- Прощание вышло скомканным, но причина была, как ни крути, уважительной. Лиза дала Ивану и его матушке свой номер мобильного и записала их номера, а также получила согласие заходить к ним в любое время и брать книжки почитать. В дверях она настолько расчувствовалась, что чмокнула замглавреда в щёку и поскакала домой, к альдегидам и кетонам.

Вечер перестал быть томным

Коллоквиум по альдегидам и кетонам Лиза сдала, хотя и не вполне осознанно: она до сих пор переживала свои приключения. Она вспоминала глаза прекрасного белокурого барда, глядящие в самые сокровенные закоулки её души, и одновременно чувствовала на себе взгляд Лёшки. До начала занятий они не успели перемолвиться ни словом, потому что Лиза до трёх ночи забивала себе в голову карбонильные соединения, проспала и прибежала спустя десять минут после официального начала пары – органическая химия в понедельник была первой по расписанию. К счастью, Ви-два-О – так студенты звали семинариста Виталь-Викторовича Островского – придерживался либеральных правил и на мелкие нарушения дисциплины смотрел сквозь пальцы. Точнее, вовсе не замечал их. Профессоресса, читавшая лекции, к опозданиям и опозданкам была безжалостна: никто не должен был войти в аудиторию после неё.

Но карбонильные страсти остались позади, и Лёшка предложил Лизе отметить успех в кафе.

Она согласилась, потому что в этот день вместо второй пары выдалось «окно»: дальше был английский, но «англичанка» с конца той недели болела, а на замену ей никого не поставили. Хотя они вдвоём сбежали бы, даже если бы «окна» не было. Лиза знала английский не хуже преподши, и, чем слушать сбивчивый рунглиш Пашки Михеева (кто только засунул этого толстомясого тормоза в первую группу?), лучше поболтать с симпатичным мальчонкой.

«Симпатичный мальчонка» привёл подругу в ближайший торгово-развлекательный центр. Там они взяли в кафе по порции вкуснейшего чёрного кофе и сливочного мороженого с ягодным сиропчиком, и уселись под искусственной пальмой с видом на фонтанчик.

Разговор, как назло, не клеился. Лёшка явно хотел сказать что-то важное, но боялся, а Лиза не знала, как его подтолкнуть. Поэтому они рассказывали друг другу «забавные случаи из жизни». Это напоминало посты в «одноглазиках», где старпёры пересказывают от первого лица бородастые анекдоты, с неизменным окончанием «вся маршрутка так и легла».

Временами Лизин кавалер замолкал и заворожённо смотрел, как гибкий розовый язычок его собеседницы снимает с ложечки мороженое.

(...парень, лучше тебе не знать, что было на этом языке пару дней назад...)

– ...А вот Помяловский писал: у бурсаков, это, у студентов духовных училищ при царе, была такая примета – чтобы препод не спросил, когда ты не готов, держаться, как он выразился, за некоторую часть своего тела.

– А мне что же, за клитор держаться? – спросила Лиза и с деланной наивностью похлопала ресницами.

Лёша расхохотался, чтобы скрыть смущение, и так мило покраснел, что Лиза простила ему его дурацкую болтовню ни о чём. А потом и сама расхохоталась вслед за ним.

– А представь, – проговорила девушка – что кто-то вот так схватится, забудется и начнёт... э-э...

– ...ну мы поняли!.. – фыркнул Лёшка.

– Только бы не спросил... только бы... только бы... – Лиза стала водить пальчиками по джинсам чуть ниже пояса.

Лёшка подхватил игру:

– Я... Я жених... Я же нихрена не знаю! – при этом он делала такие движения, как будто... как будто пытался застегнуть молнию на штанах, а та, как на грех, заела!

Девушка за стойкой кафе остолбенела, глядя на них. Лиза и Лёшка посмотрели на неё и расхохотались с новой силой.

Театр двух актёров и двух зрителей (считая с официанткой – трёх) растопил лёд.

– Лёшка, ты со всеми такой пошлый? – спросила Лиза.

– Нет... Извини... Просто вспомнилось... глупость такая!

– Дурачок! – Лиза улыбнулась и потрепала его по щеке, надеясь, что он не почувствовал, как у неё дрожит рука. Парень дёрнулся так, будто девичья ладошка была раскалённой, точно Красная Рука в той дурацкой повестушке. – Лёшкин, ты только не сердись на меня, ладно? Что случилось тогда, в субботу? Нет-нет-нет, если не хочешь, можешь не рассказывать, я просто спросила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.